

Степанида
Воск

Чувственная
пытка

18+

Annotation

Куда может завести фантазия? Где грань между вымыслом и реальностью? Что делать, если фантазии воплощаются в жизнь? И чувства ослепляют, заставляя совершать необдуманные поступки, хочешь ты того или нет. Могла ли Юнона ожидать, что однажды мужской голос заставит провалиться в чувственное приключение? Несомненно, нет. Куда приведет ее этот путь?

Степанида Воск

Чувственная пытка

© С. Воск, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

— Нагнись! — прозвучал приказ, резкий, как удар хлыста. Нервы натянуты до предела.

Нет! Все внутри меня протестовало против подобного обращения. Я ненавидела приказы всеми фибрами души. Не просьбы, нет, именно приказы в ультимативной форме.

Не выполнить — значит послушаться, а за непослушание последует наказание. Хотя кто сказал, что выполнение самого приказа не является наказанием? Еще и каким.

— Мне следует повторить еще раз?

Красивая бровь удивленно взметнулась вверх, показывая, что он этого не потерпит.

— Не стоит, — произнесла я, в отчаянии пытаюсь сглотнуть густую слюну.

Я стояла перед столом, пристраивая на него вазу с цветами. Именно его и придется использовать в качестве опоры.

Цветы отодвинула подальше, предполагая, что они могут помешать. И на кой черт ему взбрело в голову украсить комнату живыми цветами?

Подошла вплотную к столу и опустила ладони на полированную крышку, которая тут же запотела там, где мои горячие руки соприкасались с холодной поверхностью.

— Ниже, — следующая команда не заставила себя долго ждать.

Я передвинула руки дальше, прогнувшись значительно сильнее.

— Расстегни блузку.

Твою ж мать, а раньше нельзя было сказать? И как я должна теперь это делать в подобной позе? Мне же неудобно.

Возбуждение маленьким комочком начало зарождаться внутри. Яркий свет, падавший из открытого окна, отражался от полированной поверхности стола, слепил глаза, превращал столешницу в одно большое зеркало.

Опираясь одной рукой о стол, поскольку приказа распрямиться не было, второй рукой небыстро начала расстегивать маленькие жемчужные пуговицы на блузке. Одну за другой, одну за другой. Медленно, размеренно, наблюдая за собственным отражением, зная, что он тоже в этот момент за мной следит, ловит изменения выражения лица, каждое движение, впитывает и пропускает все через себя. От этого ощущения становились только острее и ярче, а ожидание томительнее.

— Хорошо. Очень хорошо, — услышала я похвалу, когда со всеми пуговицами было покончено, и полы блузы разошлись в разные стороны.

Чувствую, что щеки горят, краска возбуждения залила лицо. Хочется прижать к нему руки, охлажденные поверхностью стола, чтобы стало немного легче. Дыхание участилось, ладони вспотели.

— А теперь высвободи из бюстгальтера грудь.

Я потянулась свободной рукой под блузу к застежке на спине.

— Нет. Не так, — одернули меня. — Просто достань груди по одной. Медленно, высвобождая каждую.

Так, значит, так. Переступая с ноги на ногу, непроизвольно потерлась друг о друга

внутренними поверхностями бедер и тем, что расположено выше и надежно спрятано от постороннего взгляда. Жаркая волна возбуждения словно разлилась по всему телу, опалая изнутри.

Аккуратно, стараясь не задеть соски, ставшие чувствительными донельзя, высвободила из кружевного плена вначале одну полную грудь, потом вторую. Бюстгальтер, хоть и был достаточно открытым и поддерживал грудь только снизу, тем не менее заставил груди несколько сблизиться одну с другой.

Я облизала пересохшие губы. Во рту было сухо, как в пустыне. Собственное отражение раззадоривало не меньше, чем действия.

— Приласкай их, — голос мужчины звучал хрипло, словно его, как и меня, мучила жажда.

— Ты же знаешь... — начала было возмущаться я.

— Не спорь, делай, как сказал, — надтреснутым тоном приказал он.

Осторожно, до последнего оттягивая пытку, обвела кончиками пальцев вначале одну грудь, потом вторую, не затрагивая ореолы сосков.

— Ты знаешь как надо.

Чтоб тебя подняло и не опустило. Мучитель. Хотя не думаю. В настоящее время он был скорее мучеником. Ему приходилось наблюдать со стороны, лаская лишь взглядом. Я кожей чувствовала его взгляд, он словно прожигал насквозь.

Дотронулась до запретной зоны и почувствовала, как меня пронзила дрожь удовольствия. «Твою ж мать», — выругалась про себя, проклиная все на свете. И себя, и этого мужчину, который горящими глазами буквально пожирал разворачивающуюся перед ним картину.

Я не замечала ничего вокруг, словно со стороны смотрела на себя. Будто это не я была в отражении, а совершенно другая женщина. Чужая. Возбужденная до предела. А ведь это только начало.

За спиной раздался звук шагов. Я положила вторую руку на стол, очень трудно стоять, опираясь лишь одной рукой. По движению воздуха догадалась, что мужчина застыл сзади. В тот же миг почувствовала, как моя юбка, собираясь складками, ползет вверх, оголяя ноги в чулках. И вот уже показались кружевные резинки, а следом обнажилась и кожа над ними. Еще немного, и ягодички ощутили прохладный воздух. Юбка, как спасательный круг, собралась в районе талии.

«Прошу, дотронься, — молила я мысленно. — Прикоснись хоть к какой-нибудь части тела!»

Мои мольбы были услышаны.

Две крупные мужские ладони легли на бедра и начали совершать замысловатый танец. Они поглаживали круговыми движениями ягодички, даря наслаждение, сбегаящееся в одну точку и закручивающееся узлом внизу живота.

— Ну же, — не выдержала я и начала понукать мужчину.

— Терпи, — с хриплым смехом было произнесено мне в ответ.

Внезапно обе руки скользнули под резинку стрингов и потянули вниз, но не сняли до конца, а остановились на полпути.

— Немного шире.

Мужчина жестом дал понять, чего хочет. Пришлось отодвинуть одну ногу от другой. Средоточием женственности я почувствовала прикосновение прохладного воздуха, вдоль

позвоночника побежали мурашки. Быстрым и уверенным движением он спустил шелковый лоскуток до колен. Я сбросила трусики совсем, чтобы не стреножили.

Вдоль крестца, по копчику, поползла его рука. И вот она уже в ложбинке между ягодиц и не останавливается.

Желание сводило с ума, заставляло тянуться, требовать ласки. Но нельзя.

Во рту сухо. И куда делась вся жидкость? Она просто переключалась туда, где нужнее сейчас. Средоточие женственности изнывало от пустоты.

Его большой палец нырял в святая святых и дарил желание чего-то большего, неизведанного. Нырял и выныривал, нырял и выныривал. Я не сдержалась, и с моих губ слетел сладострастный стон.

Я его убью. Убью за все эти ограничения, запреты, условия, которые следует соблюдать. Знаю, что в данную минуту он страдает не меньше меня, но ведущая партия у него, и он руководит парадом.

Я почувствовала, как его рука покинула мои ягодицы и пылающие глубины между ними.

Мгновения, лишённые ласки, показались вечностью. Это нечестно. Хотелось хныкать и молить, молить и хныкать.

Все чувства обострились до предела. Любой звук казался очень громким.

Брякнула пряжка ремня, послышался звук раскрывающегося zipperа, шелест одежды. Я застыла в немом ожидании. Еще немного, и я не выдержу, брошу эту затею. Развернусь и сама оседлаю его. Но я терпела. Чего мне это стоило?

Первый толчок, как я его ни ждала, оказался внезапным и до болезненности сладким. Горячая плоть беспрепятственно нашла проход туда, где ее ждали и были готовы принять.

Мой стон закончившегося ожидания смешался с мужским рыком. Тяжело дались ему эти минуты: заставляя мучиться от сладострастия меня, возможно, он сам страдал еще больше.

Сильные руки приподнимали розовые полушария груди, ласкали, выписывали замысловатые фигуры на коже, дарили неземное наслаждение. Соприкосновение тел, ритмичное трение, то быстрое, практически болезненное, то медленное и размеренное, возносило на пик блаженства.

Еще немного, еще чуть-чуть, еще... еще... еще...

И вот до вершины остался один маленький шаг, а там оно... небо в россыпях алмазов...

* * *

— Да нагнись же ниже.

Хрипловатый мужской голос вывел из состояния прострации.

— Куда ниже? Я ничего не вижу, — второй возмущенно протестовал.

— Я же тебе говорю, что она закатилась глубоко под шкаф, потому и не видно.

Свет слепил глаза, отражаясь от полированной поверхности стола, на которую я только что водрузила вазу со срезанными цветами...

* * *

Я замотала головой, пытаюсь избавиться от нахлынувшего наваждения. Это же надо такому привидеться наяву. Совсем ополоумела от воздержания. Говорила Светка: «Найди себе нормального мужика для здоровья. А еще лучше женатого, чтобы только для секса использовать, раз не желаешь нормальных отношений со всеми букетами, конфетами, гуляниями, провожаниями, скандалами и обязательствами. У окольцованных и времени меньше, и опыта больше, да и огласки они боятся как огня». Умеет же подруженька вычленивать самое главное и поставить жирный восклицательный знак.

Я вытерла вспотевшие руки о свою юбку, поправила грудь в модном, но таком неудобном бюстгальтере. И кто заставил меня купить этот брасьер, а потом надеть под офисную блузу? Если бы подруженька моя увидела его, то непременно бы сказала, что я наконец становлюсь на путь истинный, и во мне просыпается спавшая до сих пор женщина. А мне просто расцветка понравилась. Такой приятный бежевый цвет редко встретишь в продаже, вот я и повелась. И только дома рассмотрела, что у бюстгальтера практически отсутствует верхняя часть чашки, а сам он едва-едва прикрывает соски. И дернул же меня черт именно сегодня его надеть. В день, когда нас должны были представить новому начальству.

Именно я и собиралась водрузить огромную вазу с цветами на середину стола в переговорном зале, где и состоится знакомство с руководством.

Мои манипуляции с грудью привлекли внимание двух мужчин, присутствующих в зале. Как я их сразу не заметила, когда вошла? Видно, была настолько поглощена своими мыслями, что по сторонам вообще не смотрела.

Я сообразила, что они прервали свое занятие и во все глаза уставились на меня. Как я могла забыть, что тут сегодня должны чинить проводку? Недавно делали ремонт и где-то перебили провод, а найти обрыв сразу не смогли. И вот так совпало, что проводку чинили именно сейчас.

Так вот ремонтники всю на меня пялились. А я, и так розовая от видения, покраснела еще сильнее от осознания, свидетелями какого представления они только что стали. Возбуждение все еще бродило по телу и вызывало противоречивые чувства, а тут на меня уставились в четыре глаза. Возникло дикое желание убежать, скрыться подальше от пронзительных карих глаз одного, что буравили меня насквозь.

Если первый мужчина смотрел на меня глазами черного цвета, то второй взирал насыщенными синими. Надо же, так редко можно встретить глаза цвета небесной лазури.

— Ну и чего уставились? Можно подумать, вы свое хозяйство не поправляете, — думаю, что все догадались, о каком «хозяйстве» идет речь. — Только и видишь, что руки к ширинке тянете, как будто там медом намазано.

Что я несу? Только бы скрыть свое смущение, затопившее с ног до головы и стремящееся перелиться через край.

Мужчины молчали, решив, что не стоит реагировать на подобные высказывания незнакомой девицы. Надумали не связываться или онемели от возмущения моим поведением?

Представляю, как я выглядела в тот момент. Щеки пылают, глаза горят, движения судорожные. Одним словом, пациентка палаты с мягкими стенами и полом.

Брюнет с глазами цвета смородины хотел что-то произнести, но я остановила его.

— И молчите. Ни слова.

Я выставила руку вперед, призывая к исполнению моего приказа.

— Делайте свою работу молча. А то возитесь непонятно сколько времени, а толку никакого.

Шатен с синими глазами развернулся так, чтобы ему было удобнее меня видеть, и стал разглядывать, как диковинную зверушку. Второй же недовольно хмурился, будто не привык, что его прерывают на полуслове.

— А нечего всяким работягам тут глазеть, — распалаясь я, пытаюсь оправдать свою грубость в отношении мужчин.

Я спохватилась, поняла, что становлюсь еще большим посмешищем для этих работяг, и решила ретироваться, но для этого мне нужно было пройти к двери мимо рабочих. Стараясь обойти их как можно дальше, я чуть было не впечаталась лицом в дверной косяк. Открывшаяся створка впустила в комнату сквозняк. Дверь с треском захлопнулась, и я уже не услышала, как брюнет втянул в себя воздух, в котором, казалось, ощущалось мое возбуждение, а шатен, рассмеявшись, сказал:

— Лихо она тебя осадил.

— Неужели?

— Такого еще на моей памяти не было. Стареешь, дружище.

* * *

Лишь за дверью немного перевела дух. «Что со мной творится? — в очередной раз спросила сама у себя. — Сначала фантазии на сексуальную тему, а потом ужаснейшее поведение по отношению к совершенно незнакомым людям». Я тонула в запоздалом раскаянии. Надо вернуться и извиниться за свое поведение. «Ага, — тут же сказала я самой себе, — и получить в лицо ведро ледяного презрения, которое уже увидела в глазах цвета черной смородины». Именно такой цвет глаз мне нравился до безумия, и именно от глаз такого цвета я бежала всю сознательную жизнь. Они, казалось, прожигали насквозь, выжигали клеймо, навсегда оставляя след в душе.

Я не такая, я не наступлю еще раз на те же грабли. Ни за что этого не будет. Хватит одного раза, когда об меня вытерли ноги и выбросили, словно ненужную вещь.

Наивная. Какая же я была наивная. Верила в светлое чувство, зовущееся любовью. Принесшее одни горести впоследствии.

Немного утешает лишь одно: первая любовь, она практически у всех, за редким исключением, оканчивается разочарованием.

— Юнона, надо срочно отнести корреспонденцию на почту. У нас сроки горят, а курьер, как назло, заболел. Сможешь? — раздался голос главного бухгалтера.

Ирина Васильевна, пробегая мимо по коридору, остановилась около меня.

— Хорошо, — ответила я.

Как раз немного успокоюсь. Хотя это не входило в мои должностные обязанности, но именно с ее помощью мне удалось устроиться в крупный строительный концерн офис-менеджером. И хотя он сейчас переживал смену руководства, но, тем не менее, оставался флагманом в своей нише бизнеса.

— Спасибо, дорогая. Я знала, что ты выручишь, — сказала Ирина Васильевна. — Письма заберешь у меня в кабинете на столе. Все заказные.

— Поняла.

Главный бухгалтер побежала дальше по коридору, проверяя готовность офиса к встрече с новой метлой, то бишь начальником, о котором ходили крайне противоречивые слухи.

Я тряхнула распущенными белокурыми волосами и направилась к своему рабочему месту, проверить, нет ли срочных заданий, чтобы с чистой совестью отправиться на почту.

Мой блокнот пестрел галочками, отмечающими выполненные дела, только один пункт не был отмечен.

«Цветы для переговорной».

Вот и это дело сделано. Можно смело отправляться на почту. Я прошла в кабинет главбуха и забрала со стола пачку конвертов, по пути лишний раз отметив уютность в святой святых Ирины Васильевны. Все-таки очень приятная женщина, с доброй душой. Это было видно даже по ее рабочему месту. На столе фото ее дочери, безвременно ушедшей из жизни. После ее смерти Ирина Васильевна не озлобилась, не впала в уныние, не стала мегерой, а по-прежнему осталась светлой и чистой душой.

Я отправилась в маленькую комнатку, где сотрудники офиса оставляли верхнюю одежду.

На вешалке, предназначенной для посетителей, висели мужские куртки. Странно, мне никто не сообщал о посетителях. На размышления не было времени, потому эта информация вылетела сразу же у меня из головы.

Лифт предупредительно ждал меня на этаже. В коридоре, кроме меня, никого не было. Весь офис застыл в тревожном ожидании. Напряжение чувствовалось даже здесь, хотя вокруг никого не было. Двери лифта мягко разошлись, впуская меня, я плавно спустилась вниз в вестибюль. На проходной сонный охранник вяло кивнул в мою сторону.

Свежий воздух охладил до сих пор пылающие, щеки, а легкий морозец приятно пощипывал. Я, мелко семеня, двинулась в сторону почты. Благо она находилась недалеко от административного здания, в котором располагался головной офис концерна. На улице народ спешил по своим делам, и никому не было дела до других. Одиночество — удел жителей больших городов. Здесь никто ничего не знает о человеке, идущем навстречу: ни кем работает, ни с кем живет. Не то что люди, живущие в глубинке. Там сосед знает о соседе все. Когда родился, крестился, что ел на завтрак, обед и ужин, — все-все-все, вплоть до того, сколько котят вчера принесла кошка Муська, и практически со стопроцентной уверенностью может сказать, куда направляется тот, выйдя за околицу.

С одной стороны, анонимность в большом городе прельщает: можно не размышлять, что о тебе подумают, а с другой, заставляет искать общения, возможности для общения различными способами. Средства телекоммуникации, ворвавшиеся в жизнь, огромное благо и величайшее несчастье для многих миллионов людей.

С подобными мыслями я спешила к почтамту, где по старинке должна была отправить заказные письма. Настоящий архаизм в наше время электронных гаджетов, моментальных отправок и молниеносных ответов. Некоторые вещи до сих пор не утратили своей актуальности, и деловая переписка еще ведется в бумажной форме.

У окошка, как всегда, очередь. Это, похоже, вечный, неизменный атрибут почты. И хотя операторы стали использовать компьютеры для облегчения своей работы, они, как и раньше, напоминали сонных мух.

Очередь роптала, возмущалась, но это не помогало. Кто-то пытался качать права, понукая вялую девицу предпенсионного возраста, однако все было тщетно. Ее ничего не брало. В итоге я оказалась перед окошком практически перед закрытием. Еле-еле успела.

Глянула на часы. Рабочий день в офисе уже закончен. Смысла идти назад нет. Потому с

чувством выполненного долга я поплелась домой. Вернее, на остановку. Долго ждала транспорт. Домой попала поздно.

От голода сводило желудок. И, как назло, я забыла зайти в магазин за продуктами. А ведь собиралась еще вчера. Вот странно получается. Все, что требуется от меня на работе, я помню, а такие элементарные вещи, как купить хлеб и молоко, забываю. Вновь одеваться и идти в круглосуточный супермаркет, расположенный недалеко от моей высотки, не хотелось. Так что пришлось довольствоваться чем бог послал. А послал он кусок сыра, просроченный йогурт и чай без сахара, хотя сахар как раз был.

Пусть Светлана с сахаром чай пьет, она все равно без него обходиться не может. Хотя всякий раз кричит, что это последняя ложечка, которую она уничтожает во благо мне, чтобы меньше калорий досталось. И кого она обманывает?

* * *

Обожаю утро. Наверное, кому-то утро видится врагом номер один, но только не мне. Я жаворонок, ранний подъем, даже в сумерках, всегда давался мне легко и без проблем. Совершив ежедневный ритуал «ванная-кухня-ванная-спальня», я проснулась окончательно и бесповоротно. Чайник известил свистком, что пора пить чай.

Я задумалась, а состоялась ли вчера встреча с новым руководством концерна или перенеслась? Что-то никто из моих подружек не позвонил, чтобы перемыть косточки новому начальству. Неужели даже у Лариски из отдела кадров не нашлось что сказать? Странно.

Я полезла в сумочку, и... не обнаружила телефона на месте. И только тут сообразила, что оставила его в ящике стола, куда обычно кладу в рабочее время. Вроде бы и под рукой, но и не на глазах. В соседнем офисе иногда пропадала мелкая электроника, потому от греха подальше я убирала личные вещи.

Как я могла забыть забрать телефон? Вот теперь без него как без рук. Пока не помнила, сильной нужды не испытывала, но как только подумала, так сразу он потребовался. Других средств связи у меня нет.

Надеюсь, ничего страшного не произошло в мое отсутствие. Да и что может произойти в отлаженном механизме устоявшегося коллектива, который был в состоянии нормально функционировать даже без генерального директора. Я вообще не понимаю, зачем понадобилось менять предыдущего? Дела в концерне шли нормально, на мой взгляд, хотя учредителям виднее, кто лучше всего справится с этой должностью.

По офису курсировали слухи, будто бывший был пойман на присвоении определенной суммы денег, но официального подтверждения не было. А кто в наше время не ворует? Если разобраться, то абсолютно все. Каждый тянет то, что плохо лежит. Наверное, я тоже могла бы приносить домой пакетики с чаем, бутылочки с минеральной водой и чистую бумагу. Да только не нужно. Чай я пью определенного сорта, минералку не уважаю, а офисная бумага в хозяйстве вряд ли пригодится, даже если ее сильно-сильно помять. Потому, как альтернативу, покупаю туалетную, хоть и за свои кровные, зато вреда для собственной попки не будет.

Вот в таком настроении я отправилась на работу.

* * *

Офис встретил меня тишиной. А откуда взяться шуму, если я прихожу сюда как минимум на час раньше всех? Жаворонок, он и в Африке жаворонок. Ничего не могу с собой поделаться. Встаю рано, а дома в утренние часы заняться нечем. Не к телевизору же прилипнуть с утра пораньше. Может, хомячка завести? Для ощущения полноты жизни. Его кормить, поить надо, клетку чистить, выслушивать ночные побудки в виде криков, когда у них наступает сезон спаривания. Не помню, кто кричит: самка или самец? У одной моей знакомой девочки в детстве был хомячок, так орал благим матом, когда ему приспичивало. А вонял еще хуже. Вот если себе такую тварюшку заведу, то хлопот будет полон рот. Некогда будет рано на работу приходить.

Была бы Светка рядом, обязательно сказала бы, что мне мужика не хватает, и опять полезла бы со своими советами. Позвонить ей что ли, поболтать о том о сем? А то хороши подруги, уже с неделю точно ни я ей, ни она мне. Так недолго и в разные стороны разойтись.

Я проверяла по ежедневнику список дел на сегодня, как услышала, что кто-то чертыхается в коридоре и, не стесняясь в выражениях, костерит автомат с кофе.

Нам этот агрегат установили совсем недавно, но проблем с ним было много. В первую очередь мне, поскольку лишь у меня с первого раза получалось добиться порции горячего напитка от этого железного монстра. У всех остальных автомат или забирал деньги и не выдавал товар, или мог налить кофе без стаканчика, или еще чего-нибудь придумать, что взбредет в его причудливые микросхемы. Самое главное, что автомат работал у наладчиков как надо, но стоило им завернуть за угол, как он начинал бесноваться и показывать характер. И только ко мне он питал теплые чувства. По этой причине все, кто хотел кофе, обращались ко мне. Я уже настолько привыкла помогать сотрудникам, что не дожидалась, когда меня очередной раз позовут.

Кого же это принесло с утра пораньше? Вроде бы до этого ни у кого, кроме меня, не возникало желания появиться в офисе так рано.

Я отложила документы в сторонку, встала из-за стола. Сегодня я опять была в костюме с юбкой. Пиджак узкий и застегивается достаточно высоко, потому под него, кроме белья, ничего не надела. Неудобно двигаться, если есть еще один слой одежды.

Волосы, чтобы не мешали, я закрутила в узел и воткнула в него два карандаша, закрепив прическу на манер японских гейш. Проходя мимо зеркала, висящего на стене моего кабинета, заметила у себя рожки из ластика, закрепленных на концах карандашей. Улыбнулась сама себе. Настроение было радужное.

Выглянула в коридор. Причина недовольства многих сотрудников офиса — автомат с кофе — виднелась в дальнем конце. Возле него, как пчела, вился человек. Судя по бранным словам, доносящимся до меня, мужчина был разгневан и только что не собирался вызвать на поединок механического монстра.

Каблуки гулко стучали по напольной плитке. Мужчина обернулся на звук. Свет горел только в дальнем конце коридора, а там, где находилась я, было достаточно темно. Экономика должна быть экономной, потому и не включила свет при входе.

— Ба. Да тут и аборигены водятся, — услышала приятный баритон.

— Что в этот раз? Деньги проглотил, а кофе не выдал? Или вылил все мимо? — поинтересовалась у мужчины.

— Этот гад мало того что кофе не дал, так еще и сдачу зажал, — пожаловался мне мужчина. — Под пресс его надо или в топку.

Как будто услышав слова мужчины, внутри автомата раздался какой-то шум, бряцанье,

но ни чашка с кофе, ни сдача так и не появились.

— Еще и ругается, — продолжил жаловаться мужчина.

Мои глаза привыкли к полумраку, и я начала узнавать своего собеседника. Это оказался один из ремонтников, виденных мною вчера. Те же глаза цвета неба и приятная внешность. Долго разглядывать его было неудобно, да и воспоминания о вчерашнем конфузе немного глодали душу.

— Что, вчера не успели закончить? — поинтересовалась у синеглазого.

— Да как бы работы навалом. Не на один день, — осторожно ответил он.

Я же подошла вплотную к автомату и начала нажимать кнопки на панели управления. В агрегате опять послышалось скрежетание, и сдача упала в лоток для денег.

— Так. Сдачу отдал, — приговаривала я. — Забирайте.

— Да вы кудесница, — услышала в ответ.

Мужчина, повинувшись моему приказу, выполнил указанное действие.

— Сколько можно тебя ждать? Только за смертью посылать. Ушел на минутку. Там проводка горит, а он тут любезничает, — прогремел сзади хриплый голос, от которого у меня мурашки побежали по рукам и волосы на загривке встали дыбом.

Столько недовольства было в этом ледяном тоне, словно лавина сошла и загрохотала в ущелье.

Моего собеседника как ветром сдуло.

Мне это совершенно не понравилось. Почему-то захотелось защитить мужчину, хотя он совершенно не нуждался в этом.

— Если горит, то почему вы торчите здесь, а не тушите? Надо пожарных вызывать, а не перекладывать ответственность на других.

Разворачиваясь от автомата к пожарной сигналке, я совершенно не думала, что уткнусь лицом во что-то твердое и теплое.

От неожиданности я успела лишь отвести голову назад. Мне в ноздри буквально ударил запах геля для душа с ментолом, перемешанного с известным парфюмерным ароматом с нотками муската. От этого запаха по телу снова побежали мурашки.

В голове закрутились видения, как я утыкаюсь в ложбинку между ключицами и втягиваю в себя запах мужчины. Он дурманит похлеще веселящего газа. Голова идет кругом. Мыслей нет. Одни эмоции. Чувства. Ощущения. Мне не хватило выдержки, и я высунула язык, коснувшись им кожи, источающей дурманящий запах. Она имела свой, ни с чем несравнимый вкус. Все мы животные. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Но именно звериный инстинкт толкает нас на необдуманные поступки, заставляя делать то, чего бы мы никогда не сделали в здравом уме и твердой памяти.

Мне было мало этого оголенного участка кожи, мне нужно было больше. Я хотела видеть все, что скрыто под одеждой. Хотела узнать, что от меня прячут. Бархатиста ли кожа на ощупь? Ощущаются ли под ней мускулы или нет? Покрыта ли она волосками? Если да, то какого они цвета? Насколько растительность покрывает тело? А может быть, у него на теле нет волос вообще, за исключением «тещиной дорожки», змейкой спускающейся вниз, указывая путь к средоточию мужественности? А ниже...

— Что вы делаете? — хриплый голос набатом ворвался в мои уши.

Тут до моего сознания дошло, что я только что лизнула постороннего человека. Незнакомого мне человека.

Что со мной творится? Я в ужасе подняла взгляд, чтобы узнать, в чьих глазах я только

что упала ниже плинтуса, и встретила с черными смородинами вместо радужек. В глазах бесились чертята. Мамочка. Опять. Это опять произошло.

Только я собралась кинуться в пучину позора за содеянное и посыпать голову пеплом, осуждая себя за непонятные видения и поступки, как автомат лягнул, и мне пришлось срочно принять меры, чтобы нас не обдало горячей струей сладкого или не очень напитка. Я уже запомнила, как обычно ведет себя автомат, и по звуку могла определить намерения этого монстра.

В настоящее время он был настроен совершить гадость. Потому я отставила все свои терзания в сторону и уделила внимание чуду техники. Главным было вовремя поймать выплунутый стаканчик и придержать рукой, поскольку предохранительный щиток самоустранялся в самый неподходящий момент.

Я ловко подхватила стаканчик и протянула опешившему мужчине.

— Хотите? Еще горячий.

— Хочу, — и так двусмысленно это прозвучало, с придыханием.

Словно он не кофе попросил, а в постель потянул. От него исходила такая аура желаний, которую я не могла не заметить. Голос заставлял проваливаться в эротические видения и совершать странные поступки, за которые я злилась на себя, а еще больше на обладателя этого сексуального голоса. В глаза я боялась смотреть, да и гадости проще говорить, когда не глядишь на человека.

— Тогда пейте и идите доделывать проводку, а то вас коллега уже заждался, — и добавила мстительно. — Вообще-то, это его кофе.

— Был его, станет моим.

И зачем так рычать? Можно же нормально сказать. Или у него по-другому не получается?

Однако стаканчик с кофе он не взял, а я как дура продолжала протягивать его ему. Ну и как это понимать? Очередное неловкое положение? Я стала тихо ненавидеть этого мужика.

Не сказать, что он был красив. Черты лица грубые, резкие, словно состоящие из одних углов, без мягких линий и округлостей. Волосы иссиня-черные, коротко постриженные, но не настолько, чтобы казаться прической лагерного зэка. Рост. Хм. Рост большой, даже с учетом моих каблуков он был выше меня почти на голову. Ширина плеч могла бы быть и поменьше, на мой вкус, уж больно подавляла фигура своей мощью. А вот бедра казались на удивление узкими. Неужели его ваяли в скульптурной мастерской по спецзаказу? «Злой Кен» пришло на ум прозвище. Именно так бы выглядел антипод слащавой куклы-мутанта, если бы его оживили и увеличили до нормальных размеров.

Судя по всему, кофе забирать у меня не собирается, поганец. Я уже ступила на путь, откуда обратной дороги нет. А потому решила закончить начатое. Раз он не желает протягивать свою лапищу, то стаканчик самостоятельно окажется в ней. С моей помощью. Всего-то надо его туда транспортировать.

Свободной рукой я сцапала кисть мужчины и бухнула в нее кофе, но поскольку сделала я это очень быстро, то жидкость благополучно продолжила свое движение по инерции.

Расширившимися от страха глазами я наблюдала, как горячий кофе выплескивается на руку мужчине. Твою ж мать, я только что ошпарила ремонтника. В моем воображении уже рисовались волдыри, скорая помощь и курс лечения от ожогов. И все за мой счет, начиная от лечения волдырей и заканчивая компенсацией морального вреда.

— Решили мне дать проверить температуру напитка? Не слишком ли остыл? — ровным голосом с легкой хрипотцой произнес брюнет.

Ни единый мускул не дрогнул на его лице. Кофе струйкой стек на пол, где расплылся грязными каплями. Теперь уже я удивленно смотрела на мужчину, не веря своим глазам. И продиагностировала напиток сама, засунув палец в стаканчик.

И тут же с криком отдернула руку.

— Ой, он же горячий!

Кофе опалил мне палец.

— Не верь глазам своим, — произнес мужчина.

Что он имел в виду? Что ему больно, и он не показывает это? Или кофе не настолько обжигающий, чтобы ошпарить? А может быть еще что-то?

Пока я гадала, мужчина перехватил мою руку, которую я только что засовывала в стаканчик. Палец я по-прежнему оттопыривала в сторону. Черноглазый склонил голову и втянул мой указательный палец в рот. Сказать, что меня обожгло, это не сказать ничего. Как мне показалось, температура во рту мужчины гораздо выше температуры злосчастливого напитка. Горячий язык прошелся вдоль моего пальца.

— Кофе надо пить, а не лить на пол, — объяснил он.

Я застыла.

Мое тело вспыхнуло, словно бенгальская свеча в новогоднюю ночь, простой жест заставил раскалиться до предела все нервные окончания. Соски набухли и готовы были протаранить несколько слоев материала, дабы вырваться наружу. Одежда сразу стала тесной, и хотелось сбросить ее к чертовой матери. Я уже не контролировала собственное тело, оно жило своей жизнью, отдельной от мозга, который находился в ступоре. Из транс меня вывел громкий звук заработавшего внезапно перфоратора. Я вздохнула с облегчением: еще чуть-чуть — и я бы снова провалилась в видения, которые стали меня сильно беспокоить.

Фирма этажом ниже недавно разорилась, все оборудование продали с молотка, и помещения пустовали. Видимо, хозяин здания нашел новых арендаторов, и они приводили сейчас в должный вид распотрошенный офис.

— Брать надо, когда дают, — парировала я замечание мужчины.

— А вы еще не предлагали, — черносмородиновый взгляд, казалось, пронзал насквозь, словно хотел узнать, что я думаю. — Хотя мне это и не надо.

О чем это он? Мои мысли заметались, как осенние листья, подхваченные порывом ветра. Я уже почти забыла, что только что облила горячим кофе мужчину, и лишь по чистой случайности он не ошпарился. Или все же пострадал, да не признается? Спросить или нет?

— Разве вам не горячо? — не выдержала я.

— Очень, — и опять какой-то двусмысленный ответ. — Я весь горю.

— Ну, по вам не скажешь, вы даже не вскрикнули, — успокоив тем самым совесть, продолжила я. — Раз с вами все в порядке, то я пошла работать. Передавайте привет своему товарищу, — вырвалось у меня напоследок.

К чему я это произнесла, я и сама не поняла, но слово не воробей, вылетит — не поймашь. Мужчина моментально изменился в лице. Мне даже показалось, что у него заходили желваки, будто я сказала что-то оскорбительное. Глаза сузились и полыхнули странной решимостью.

— Сами передадите, — грубо ответил он.

Подобного я точно не ожидала.

— Но как же? Сегодня вы закончите, и я его больше не увижу.

Зачем я вообще это сказала?

— А вот в этом я сильно сомневаюсь, — скривился черноволосый.

Выяснить дальше у меня не получилось, поскольку до меня донеслись звуки разрывающегося телефонного аппарата. Он у меня был настроен на постепенное увеличение громкости звонка. Она как раз достигла максимального уровня.

— Ой, меня кто-то хочет... — слышать, я имела в виду.

Развернувшись и, не сказав больше ничего, побежала к себе в кабинет. Уже краем уха услышала фразу.

— Это точно...

Странный ремонтник. Очень странный. А еще удивительнее реакция моего тела на его присутствие. Ничего подобного раньше не случалось. Точно надо завести любовника. Гормоны разбушевались. Вот только где же его взять?

Любовники же на дороге не валяются, штабелями под ноги не падают. И как только другие умудряются их подхватывать?

Вот взять ту же Светку; сказать, что она Мерилин Монро, это значит омрачить светлую память выдающейся женщины. Она же полнейший ее антипод. Крупная, «широкая в кости», сколько бы ни худела (а покушать она любит, да еще как), вряд ли станет меньше пятидесятого размера, ну, в крайнем случае, сорок восьмого. Такая вот конституция. И ничего поделаться нельзя. Светлана старалась и так и эдак, но все было без толку. А мужики у нее менялись с частотой автоматной очереди. Мне кажется, она даже не запоминала, как их зовут. Причем ей ничего не надо делать, они сами как мухи на мед липнут. Наверное, их влекут огромные глаза с поволокой или длинные кудрявые черные волосы, поскольку фигурой подруженька не вышла. А может быть, она знает какой-то секрет? Который мне, глупой, до сих пор недоступен. Не знаю. А спросить как-то неудобно. Стыдно.

Я добежала до своего кабинета и вытащила из ящика злосчастный телефон. Ну точно, это она. Стоит только подумать про Светланку, как она тут как тут, звонит в дверь или по телефону.

— Да. Слушаю.

— Где тебя носит? Я уже трубку собралась бросить. Тебя спасло то, что я отвлеклась на разговор мужского нижнего белья, — начала наезжать моя драгоценная.

— Чего это ты с утра пораньше наяриваешь? Что случилось, а? — не осталась я в долгу. Не люблю, когда меня ни за что начинают распекать.

— Соскучилась. А ты нет? — недовольным тоном выдала она.

— Я-то тоже, но не с утра же пораньше, — пошла я в контратаку.

— Ладно. Не бурчи. Как у тебя дела? — сменила она гнев на милость.

— Ты только для того и звонишь, чтобы поинтересоваться как у меня дела? — задала я встречный вопрос.

— А что? Имею право. Ты же моя единственная подруга.

Еще бы. Ведь остальные у нее друзья. Вернее, любовники. Либо бывшие, либо настоящие, либо будущие. Светлана женщин терпеть не могла. Считала их конкурентками, впрочем, как и мужчин, которые западают на мужчин. Она так и говорит про геев — «мои конкуренты». Мол, мужиков и так мало, а если их еще и мужики будут уводить, то порядочным женщинам вообще не останется из кого выбирать. Либо заняты, либо дураки (наркоманы, пьяницы и так далее — список можно продолжить), либо ни на что не годные

бездельники. Хотя чем ей безрукие не угодили, я не знаю, поскольку интересовали ее мужчины лишь в одной плоскости — горизонтальной. Все остальное время занимала работа. А в постели, с ее же слов, у мужчины должен работать центральный орган. Впрочем, как и пальцы с языком.

— Так ты же не горишь особым желанием заводить других.

На работе она со всем женским коллективом держалась холодно и отстраненно.

— Мне конкурентки не нужны. Я тебе сто раз говорила, — возмутилась подруга.

— А как же я? — насмешливо поинтересовалась у Светланы.

— Ты вне конкуренции, — это была ее коронная фраза.

Меня она действительно не воспринимала как угрозу ее популярности у мужчин и, наоборот, всячески старалась пристроить в хорошие руки.

— Да ладно, — улыбнулась я в ответ.

— Как там твое новое начальство? — перепрыгнула она на другую тему.

— А фиг его знает? Я еще с ним не встречалась.

— Как так? Ты же говорила...

— Я-то, может, и говорила, но меня вчера отправили по делам куда подальше, вот я и не в курсе событий, телефон вчера на работе забыла. Так что информацией я пока не владею. Скоро народ подтянется, тогда и узнаю.

— Тьфу на тебя, а я тут себе нафантазировала, что новый шеф у тебя красавчик...

— Опять начинаешь? Я же тебе сколько раз говорила, что в своем стаде я овец не собираюсь тягать. В любом случае. Это только ты можешь, — упрекнула Светланку.

— И что тут такого? Приятное с полезным, — голосом бедной овечки выдала подруга.

— А дальше как с этим быть? Как встречаться? В глаза смотреть?

Этот вопрос меня интересовал в первую очередь.

— А чего в них смотреть? Ты лучше на другое смотри, — села Света на своего конька.

— Давай перестанем переливать из пустого в порожнее. Сколько можно? Сама разберусь. Не маленькая, — сказала я.

— Вот учишь тебя, учишь, а все как об стенку горох. Сколько у вас хороших мальчиков? Небось, много? А ты все теряешься.

— Света, кончай. Надоело. Мне работать надо.

Если ее не прервать, то это надолго. Бывают у нее подобные заскоки, когда стремится поучить, как жить дальше.

— Давай встретимся? — пока я не бросила трубку, спросила подруга.

— Давай! Только предварительно созвонимся ближе к концу недели, — предупредила я.

И разговор закончился.

* * *

Офис стал потихоньку заполняться народом, входящие и проходящие мимо открытой двери здоровались. Я отвечала кивком головы, но по возможности старалась не отвлекаться на входящих.

Мимо пробежала Ларочка. Наша местная достопримечательность — разносчик свежих сплетен.

Заглянула ко мне.

— Видела? — томно поинтересовалась она.

— Кого?

Меньше всего меня интересовали ее вопросы.

— Аполлона, кого еще? — девушка фигурально закатила глаза под потолок. — Красив.

Бог. Просто бог. Наши девочки все растеклись, как только увидели.

— Ну не знаю... — протянула я.

Конечно, я рассматривала статую Аполлона в Помпеях, но меня особо не впечатлило. Слишком женоподобно. Вот совершенно недавно я наблюдала гораздо более привлекательную мужскую фигуру, может быть, не с таким красивым лицом, но не это же самое главное. Еще моя бабушка говорила, что с лица воду не пить.

— Ой, тебе не угодишь. Вечно все не так, — надув губы, проговорила Ларочка и, сделав вид, что обиделась, удалилась.

Чего это она с утра пораньше стала размышлять на тему древнегреческой мифологии? Может, куда в отпуск собралась? Да проспектов насмотрелась на ночь глядя. А теперь ее колбасит не по-детски? Вообще-то, это ее проблемы. Отмахнулась от мыслей и занялась своими делами.

Следующим ко мне забежал Стас из технического отдела. Тихо прикрыв за собой дверь, заговорщически прошептал:

— Юнка, ты видела его глаза? Просто обалдеть. Я просто тащусь. Может, он в теме? А? Как ты думаешь? Ну, или хотя бы «би».

Наш Стасик был отличным малым, спецом от Бога. Мог починить все что угодно. Начиная от автоматической ручки и заканчивая компьютером с его хрупкими микросхемами. У Стасика был один существенный недостаток. Он очень любил красивых мужчин. Хотя никому о своей пагубной страсти в офисе не рассказывал и в свой внутренний мир не посвящал. У нас никто, кроме меня, не знал о специфических пристрастиях Стаса. Распознать в нем гея было трудно. Обычный парень. Не слишком ухоженный, не всегда бритый, зачастую погруженный в свои мысли, иногда дурно пахнущий (ну, это на мой вкус, а кому-то, может, и нравится).

Мы с ним по-приятельски общались на разные темы. Не знаю, что у нас было общего, но, несомненно, что-то сближало. Может быть, потому что я, будучи свободной, никогда не заглядывалась на него как на мужчину. А может, по той причине, что однажды застала его после работы в туалете возле переговорной с опасной бритвой в руках, режущим вены из-за несчастной любви. Я тогда еще вызвала карету скорой помощи и наплела с три короба, что Стас порезался осколками стекла из разбитого окна. История сомнительная, все окна у нас в офисе пластиковые, и разбить их достаточно трудно. Фельдшер, конечно, мне не поверил, как и врач, который накладывал швы, но история широкой огласки не получила и была похоронена между мной и этим парнем.

— Стас, ты сейчас о ком? — строго переспросила я, сделав серьезное лицо.

— Как о ком? О новом заме!

— О каком новом заме? Заме кого?

Я судорожно пыталась сообразить, в каких рядах произошла перестановка. Неужели в отделе маркетинга решили сместить Семеныча, заменив на кого-то новенького.

— Как кого? Генерального, конечно.

— А у нас уже есть генеральный? — удивилась я.

— И даже с замом. Он такой душечка. Просто конфетка, — томно произнес Стас.

— Еще скажи «Аполлон», — вспомнила я Ларочку.

— Ну да. Аполлон. Именно так его и зовут. Чего ты надо мной издеваешься? — обиделся парень.

— Я не издеваюсь. Я, кажется, все проспала. Вернее, пробегала.

— Где пробегала? — рассеянно спросил Стас.

— Как где? Меня же вчера главбух послала на почту корреспонденцию отправить. Вот я там и проторчала полдня, — пожаловалась на свою судьбу.

— Так, подожди. Ты не была на представлении?

Стас взял со стола карандаш и простучал им что-то ритмичное.

— Не была. Новое начальство не видела, — сообщила я очевидное.

— Я не о том. После официального представления всех по очереди вызывали на ковер.

Стас внимательно на меня посмотрел.

— К кому?

— Ну как к кому? К генеральному. Он со всеми знакомился лично.

Теперь карандаш оказался между пальцами и стал совершать кульбиты, порхая, словно бабочка.

— Это что же получается? — удивленно подняла я брови. — Нет. Все должно быть нормально. Ирина Васильевна должна была предупредить, что меня нет по делу. Ведь это она меня отправила.

— Тогда должно пронести. А то меня до сих пор оторопь берет, когда я вспоминаю эти глаза, что словно насквозь просвечивали рентгеном.

Стас передернул плечами и уселся ко мне на стол.

— Аполлон и так может? — усмехнулась я.

— Какой Аполлон, детка? Аполлон — заместитель. Это все Неждан Натанович!

И парень сделал ну очень страшное лицо.

— Кто-кто? — засмеялась я. — Неждан Натанович? Что еще за имечко такое Неждан?

— Имя говорит само за себя. Кажется, кто-то нас круто подставил, — вздохнул Стас.

— С чего ты так решил?

— Да с того. Помнишь, как все было раньше? Тихо. Спокойно. Все занимались своими делами, по возможности между выполнением работы. Чует моя пятая точка, что это время закончилось. Вкалывать нас заставят по полной. Все соки выжмут.

Теперь Стас принялся нервно стучать ботинком по столу.

— Чего ты нервничаешь?

Я посмотрела в окно, там уже всюду рассвело, и даже солнышко выглянуло из-за туч. И так приятно стало на душе. Радостно. Все же солнечный свет ничем не заменить, особенно в зимнюю пору. Как-то незаметно почти пролетел очередной год. Что он принес? Чего больше? Хорошего или плохого? Как-то некогда было все взвесить и разложить по полочкам. А, наверное, пора об этом подумать. Ведь скоро Новый год. Значит, надо думать о подарках для близких и друзей, да и про коллег не забыть. Хоть какую-то мелочь, но подарить. Доброе слово и кошке приятно, а еще лучше сопроводить его маленьким презентом.

— Не занервничай тут. Сама увидишь. Только между нами, девочками, — полушутя-полусерьезно произнес Стас, снизив голос. — Наш новый начальник очень неприятный тип. У меня до сих пор мурашки бегают, как вспомню. И про него тако-о-е говорят, что страшно становится, как же дальше работать? Может, лучше сразу искать другое место? Поспокойнее.

— Да ладно тебе. С новыми всегда так. Вначале не нравятся, а потом и привыкаешь.

Чего раньше времени паниковать? Все утрясется, — поспешила успокоить я парня.

Так было и с Семеном Петровичем, нашим бывшим начальником. О нем как только ни судачили и чего ни говорили. А оказался очень даже мировым дядечкой. Сильно гайки не закручивал, драконовские меры не вводил. Ну подумаешь, сам приворовывал, так это, можно сказать, норма везде.

— Он не такой. Это мужик-кремень.

Стас, сам того не осознавая, пел дифирамбы неизвестному мне мужчине.

— Все они с виду такие... а внутри...

Дальше я продолжать не стала, поскольку не посчитала нужным оскорблять своего собеседника. Хотя он и играл за другую команду, но в моем сознании все равно ассоциировался с мужчиной. Может быть, потому и со мной общался вполне нормально.

— И не говори, сестра, — трагическим тоном произнес Стас. — Вот Аполлон — это мужчина.

— Что в нем произвело на тебя такое впечатление? — задала я вопрос.

— Глаза. Небесная синь не сравнится с его глазами.

Вот тут внутри меня тренькнул колокольчик. Совсем недавно я видела синие глаза, которые поразили меня своей необычностью. Но я промолчала. Не рассказывать же Стасу о своих промахах. Может, я и ошибаюсь. Всякое бывает.

— Клаус, тебя к генеральному, — заглянула в дверь головка Ларочки.

Она появилась и пропала, что было удивительно само по себе.

То, что меня вызвали по фамилии, ничего хорошего не предвещало. Это я уже заметила. Обычно меня звали Юна, Юнона, особо близкие могли величать Юнкой или Янкой. Но если звали по фамилии, то пиши пропало. Грядет что-то неприятное.

Стас соскочил со стола.

— Вот и твоя очередь дошла. Ты только сильно не переживай. Не волнуйся. Ведь в твоём ведомстве все всегда на высшем уровне. Ты и приходишь рано. И с работой справляешься. Ведь так? К тебе никогда претензий не было, — настраивал меня Стас.

Вот если бы он промолчал, то я бы точно не волновалась. А теперь я начала мандражировать по полной программе. Что же там у нас за новый генеральный, что Стаса так колбасит? Мне стало не по себе.

— Стас, отвали со своими советами. Мне от них только хуже. Сама не маленькая, разберусь.

— Если будет худо, ты звони. Я прибегу, поддержу, — в качестве напутствия пролепетал Стас.

Удружил, называется. Меня реально начало колотить.

— Юнь, ты это, губы намажь, чтобы ярче были, — не унимался Стас. — Хочешь, я тебе свою помаду дам?

— У тебя есть помада?

Я в шоке уставилась на парня. Вот встретила бы такого на улице и сказала бы, что шпана шпаной, а у него в загашничке, оказывается...

— А что тут такого? Случаи бывают разные.

— Ну да. Ну да, — подтвердила я, лишь бы не выдать свое отношение к произошедшему.

Мама миа. Мир сошел с ума, перевернулся с ног на голову. Мужики носят в карманах помаду, а женщины косят под мужиков. Я Стаса не осуждала ни в коем случае. Каждый волен выбирать, что ему нравится. Лишь бы детей не трогали и не соврацали. Все остальное

— это их дело.

— Вообще, ты у нас конфетка. Был бы я другой, то за тобой обязательно приударил бы, — напоследок произнес Стас.

Надо же. Такие признания. Никогда не думала, что могу быть симпатичной Стасу. Мне казалось, что я не в его вкусе. Хотя откуда я знаю, каков его вкус? Мы с ним в одной кровати не лежали, с одним мужиком не целовались.

Я оправила жакет, провела рукой по убранным в прическу волосам, все же подкрасила губы, но только своей помадой, и пошла в святая святых нашего офиса: кабинет генерального.

Стефания, наша бессменная секретарша, встретила меня пренебрежительным кивком. Я не знаю, как она умудрялась пересидеть всех генеральных, но это у нее получалось лучше всех. Поговаривали, что ей удалось уже поработать с пятью директорами. И ни один не пожелал ее заменить. Такой сплав сдержанности и красоты еще надо поискать. Она, обладая холодной красотой, присущей выходцам из скандинавских стран, была на своем месте. В меру почтительная, в меру подобострастная, всегда держащая дистанцию с остальными работниками офиса, эта женщина была незаменимой сотрудницей.

— А, Клаус, вас уже заждались, — произнесла Стефания.

И от ее тона мне стало не по себе, словно я собралась прыгать в прорубь с ледяной водой.

Постучала в плотно закрытую дверь. Почему-то поджались пальцы на ногах и напряглись соски. Последнее вообще было из ряда вон выходящим. Такого со мной не случалось никогда.

— Войдите, — в хриплом голосе слышались металлические нотки.

— Можно? Да? — как-то заискивающе произнесла в ответ.

Было жутко не по себе. И я не знала, чем объяснить подобное чувство.

Прикрыла за собой массивную дверь. На месте генерального никого не наблюдалось, все пространство передо мной было пусто. Где же он? Эта мысль буравила сознание.

Я вошла. Кабинет генерального встретил тишиной.

— Есть кто тут? — не знаю, почему решила спросить.

— А вы сомневаетесь? — хриплый голос заставил нервы напрячься до предела.

— Я? Нет, — выдала в ответ.

— Долго же вы шли.

Где-то я слышала уже этот голос, раздавшийся сбоку от меня.

Я повернулась на звук и обомлела: из правого угла кабинета на меня не мигая смотрел ремонтник. На меня взирали черносмородиновые глаза. Это был он. Я не могла ошибиться. «Жили-жили и усрались», называется. По-другому я не могла обозвать сложившуюся ситуацию.

Блин.

Черт.

Твою мать.

И еще куча нелицеприятных выражений, которые я хотела произнести в данной ситуации. Что же это за злой рок? Я не знала. Это же надо было так врехаться? Кажется, я в полной жопе.

Только что я познакомилась с Нежданчиком. Собственной персоной.

— Я спешила, — постаралась я исправить ситуацию.

— Так понимаю, Юнона Альбертовна Клаус собственной персоной, — царапающий нервы голос заставил меня вздрогнуть.

— Й-а, — проблеяла в ответ.

— Офис-менеджер? — вопросительно поинтересовался он у меня.

— Й-а, — как ослик из мультфильма, выдавила из себя.

— У вас такая хорошая характеристика... не соответствующая действительности.

Если первая часть фразы меня окрылила, то вторая опустила ниже плинтуса. Так меня еще никто не оскорблял.

Неждан, будь он неладен, с пренебрежением взирал на меня с высоты своего роста.

Он листал папку. Видимо, это было мое личное дело. Затем подошел. «Твою ж мать!» — выругалась про себя еще раз. Как я могла перепутать начальство с какими-то ремонтниками? Что на меня нашло? Получается, если это Неждан, который генеральный, то второй — Аполлон, который заместитель. Теперь все стало на свои места. Меня трясло. Как я могла так грубо обойтись со своим непосредственным начальством? Все. Хана. Мне полный пипец. Сейчас меня будут есть живьем. Без соли и специй.

Я склонила голову, понимая, что это самая выгодная позиция в данном случае. Кающаяся рабыня собственной персоной, вот как называлась эта поза.

— Юнона? Альбертовна? Так? — еще раз произнес Неждан.

Мне следует и его назвать по имени-отчеству?

— Да, Неждан Натанович. Я вас слушаю, — тон в тон произнесла я.

Вот только так хрипло у меня не получилось.

— Надо же. Уже в курсе, — буркнул себе под нос новый начальник. А потом бросил мне, сверля черносмородиновыми глазами: — Сплетни вы легко собираете, впрочем, как и отлыниваете от работы.

Это он о чем только что? Меня аж подняло и не опустило от гнева. Это он что имеет в виду? Будто бы я вчера прогуливала? Так получается? Спасибо Стасу, что предупредил, а иначе стояла бы дура душой и не могла понять, в чем дело.

— Если вы о вчерашнем отсутствии на вашей инаугурации, то я ходила по заданию главного бухгалтера на почту отправлять заказные письма.

Меня от возмущения аж всю трясло. Это же надо назвать меня прогульщицей. Ту, которая тут практически днюет и ночует.

— И кто это может подтвердить? — с легким недоверием в голосе спросил этот... Неждан.

— Ирина Васильевна, — выплюнула я. Не могла сдержаться и добавила вслед: — Если вы знаете, о ком идет речь?

— Я-то знаю. Я также знаю, кто и за что деньги получает, — ядовито парировали мой ответ.

Фу. И как я могла найти этого солдафона привлекательным? Сексуально притягательным? Даже не знаю. Да он же отвратителен, как крокодил. Лучше сходить с ума по слащавому Леонардо ди Каприо, чем заглядываться на это подобие мужчины.

— Неждан!

Внезапно отворилась дверь, и, словно весенний ветер, в комнату влетел голубоглазый шатен. Так. Так. Так. А вот и зам, который Аполлон.

— Нам сделку одобрили!

— Неужели ты не видишь, что я занят? — словно холодной водой окатил господин

начальник.

— Да ладно тебе, Неждан. Тут все свои, — легкомысленно произнес синеглазый.

Мужчина действительно был очень красив. Недаром на него запал Стас. Теперь я его рассмотрела как следует. Классические черты лица, практически античная внешность. Бог, сошедший на землю. Не просто так с ним сравнивали. По-моему, и с фигурой все в порядке. В меру широкие плечи, плоский живот, ноги вроде как не кривые. Или, по крайней мере, под брюками не видно. Руки не грубые, с ухоженными ногтями. Не то что у Неждана. Тот, кажется, весь вырублен из цельного куска дерева. Лицо, плечи, кисти рук — все было четко очерчено, словно под линейку. Ниже я не смотрела. Не положено служащей разглядывать начальство пристально.

— Аполлон Аристархович, не могли бы вы выйти на некоторое время? — ледяным тоном произнес Неждан Натанович.

— Ты чего, Неждан? Белены объелся? — непонимающе уставился на него голубоглазый.

— Я неясно выразился? — тем же ледяным тоном спросил наш новый шеф.

Кажется, даже снежинки появились в воздухе от его слов.

— Ах да, — словно что-то забыл, произнес Аполлон и направился к выходу.

Когда проходил мимо меня, заговорщически подмигнул, словно принял в свою команду. Я даже улыбнулась в ответ. И мою улыбку заметил Неждан. А может быть, его от другого перекосило. Не знаю.

Какой же он самовлюбленный тип. Даже неприятно стало от выходки этой новой метлы. А вот Аполлон все-таки душечка. Стас оказался прав. Может быть, и получится их свести. Вдруг зам из этих, которые любят с мужчинами? Я не со зла. Просто другу хотелось подсобить, чтобы не страдал просто так. А начальник наш, который и Аполлона начальник тоже, редкостная гадость. Кажется, я даже скривилась.

— Юнона Альбертовна, зубки разболелись? — ядовито-хриплый голос вывел меня из состояния созерцания.

Я даже вздрогнула.

— Что вы, Неждан Натанович, на работе они болеть не могут по определению, только во время обеденного перерыва и в нерабочее время, — съязвила в ответ.

— Надеюсь, это касается и другого? — словно не заметил моей колкости, поинтересовался мужчина.

— Это вы о чем? — решила уточнить сразу и навсегда.

Шеф неприлично близко подошел ко мне и теперь возвышался этакой горой надо мною. И как я могла его перепутать с электриком? Только сейчас разглядела дорогой блейзер, надетый на мощную грудную клетку. Может быть, меня ввел в заблуждение неброский цвет? Хотя нет. Каждый видит то, что он хочет видеть. Я даже не предполагала, что начальство может заглядывать под шкаф в поисках чего-то там, вот и напридумывала себе непонятно что.

— О шапнях на рабочем месте, — проскрипели у меня практически над ухом.

Я, как солдат, вытянувшийся перед старшиной на плацу, стояла по стойке смирно. Аж самой стало противно.

Неждан подошел ко мне слишком близко. До последнего я не понимала, во что вляпалась. А если бы предполагала, то убежала как ошпаренная.

Запах.

Его запах ударил в нос. Меня повело, словно наркомана на косячок. Фантазия будто с

цепи сорвалась.

Вот он поднимает руки с длинными красивыми пальцами, хоть и резко очерченными. Вот кладет их мне на плечи и обхватывает ладонями шею. Ласкает мочки ушей, заставляя возбуждение растекаться раскаленной лавой, начиная от средоточия женственности и заканчивая кончиками пальцев. Вот вытягивает карандаши из прически, и волосы мягко спадают по плечам. Вот склоняется надо мной...

Твою ж едрену вошь.

Что со мной творится?

Куда меня несет?

Я, словно собака, вылезшая из воды, помотала головой, стряхивая наваждение.

В ужасе подняла глаза, чтобы увидеть, что делает Неждан. Мне показалось, или между нами только что оглушительно лопнула невидимая струна?

— Неужели настолько противно?

У мужчины заиграли желваки и глаза потемнели.

Какие-то странные вопросы он задает. И что следует ответить? Я подумала, что раз я на работе, то и отвечать надо в этом же русле.

— Работу свою я люблю и отношусь к ней с должным рвением и старанием.

Неждана от моих слов даже перекосило. Впору испугаться от зверского выражения лица и сбежать куда глаза глядят. Но бежать не хотелось, хотелось провести кончиками пальцев вдоль морщинок на лбу, сеточке вокруг глаз, очертить линию подбородка. Прикусить мочку уха...

Господи! Опя-я-я-ть.

Неужели я схожу с ума? Надо срочно идти к врачу.

— А что еще вы любите?

Хрипота в голосе не оставляла меня равнодушной. Если я еще немного постою рядом с ним, будет плохо. Я быстро сообразила, кто является причиной всех приступов несанкционированных фантазий. И это больше всего меня волновало в данный момент. Меня клинит на шефа, и эту проблему надо решать.

— Горький шоколад, теплую погоду, и когда не хрипят над ухом.

Я хотела сказать «храпят», а получилось «хрипят».

Кажется, это выбило его из колеи. Неждан даже отпрянул на некоторое расстояние.

— Вот как?! — с каким-то внутренним разочарованием произнес шеф.

Мне даже показалось, что он как-то сник. Нет. Не может быть. Точно показалось. Но не мог же он принять на свой счет мою оговорку? Да и вряд ли бы она его задела. Такие самцы, как Неждан, — лакомый кусочек для женщин, они не обращают внимания на реакцию окружающих. Им на нее глубоко плевать. Успешные, богатые и самодостаточные мужики, как правило, самолюбивые и эгоистичные.

Смена моего настроения рядом с шефом беспокоила не меньше, чем возникновение эротических фантазий, которых я уже стала бояться. Как только выйду отсюда, так всерьез подумаю о Светкином предложении познакомить меня с каким-нибудь двадцатипальцевым представителем рода человеческого. Пора задуматься о приобретении пары десятков сантиметров живой колбаски в личное пользование. Хватит обходить мужиков стороной.

У меня запросы умеренные. Чтобы был симпатичным, чтобы мне нравилось, как он пахнет (на этом у меня пунктик), чтобы он мог поддержать разговор (а то как же не

поговорить «после»), ну и еще пара десятков требований.

На этом наш разговор как-то заглох. Я не нашла, что ответить на его «вот как?!», а Неждан меня больше ни о чем не спросил и не упрекнул. Лишь коротко бросил:

— Идите.

Почти как в анекдоте про мужа, который застаёт жену с любовником в собственной постели. Любовник, увидев мужа, встает и уходит, а жена заявляет возмущенно, что, мол, надо же какой нахал, ни тебе здарсьте, ни мне до свидания.

Больше глядеть в глаза начальству я не стала, побоялась опять впасть в фантазию с эротическим уклоном, мысли-то фривольные голову не просто посещают, они там плотно обосновались на ПМЖ.

В приемной столкнулась с Аполлоном. Похоже, что он ждал, когда же я выйду от генерального.

Недаром ему дали такое имечко, ой недаром. Секретарь шефа с него глаз не сводила и дышала через раз, видно, боялась, что красавчика снесет воздушной волной, и он исчезнет, как мираж.

Я уже практически миновала зама, как он мне опять подмигнул. От неожиданности чуть не споткнулась. Они решили меня проверить на прочность? Или у них такие игры? Почему-то подобная мысль проскочила в голове.

— Аполлон, заходи. Хватит заигрывать, — прорычали сзади.

Надо же, даже отчество забыл.

Я постаралась скрыться побыстрее. М-да, новый шеф — это вам не старый шеф. С этим не забалуешь. Прав был Стасик.

* * *

«Ну как все прошло?» — пришла мне смска от моего «подруга».

«Да, в принципе, ничего», — ответила сразу же.

«Ничего — пустое место, а ты мне конкретику давай».

«Ты был прав. Хлебнем мы с ним. По полной».

И добавила в конце грустный смайлик.

Потом послала еще одно сообщение.

«Чего ты эсэмэсишь? В аське же проще?».

«Подруга, ты сбрендил. Мы же под колпаком. Со вчерашнего вечера все отслеживается специальной программой. Даже не вздумай кому-нибудь личное письмо настучать, сразу засекут».

Ого. Вот это новость. Каждая следующая круче предыдущей во сто крат. Новая метла не успела появиться, а уже такую пыль подняла, что ни зги не видно.

«Чего еще я не знаю?» — отправила сообщение и с нетерпением стала ждать ответ. На душе было беспокойно. Хорошее настроение испарилось. Словно почувствовав мое состояние, солнце скрылось за тучами, и в комнате стало сумрачно и неудобно. Может быть, кактус прикупить, чтобы не было так одиноко? Какие-то бредовые мысли стали меня посещать последнее время.

«За любое опоздание на работу вводится система штрафов. Первое — сто рублей, второе — двести, и так в геометрической прогрессии. Кажется, я стану банкротом».

Стас никогда не отличался пунктуальностью, потому для него это был удар. Слава Богу, мне это не грозит. Вроде как с опозданиями у меня проблем не было никогда.

«Ничего страшного, Стас, скоро ты избавишься от этой привычки... или же избавишься от энной суммы денег».

«Злая ты».

Я не злая, я честная. Еще в древние времена говорили «не дай вам жить в эпоху перемен». Для рядового состава офиса началась новая жизнь, кардинально отличающаяся от старой.

Новый генеральный тихой сапой ввел свои драконовские меры, как окрестили их между собой сотрудники, недогнувшей рукой. Теперь за лень на рабочем месте народ карался штрафами. И вроде бы и придраться не к чему, с точки зрения руководства это очень правильный шаг. Ничто так не мотивирует выполнять свои обязанности, как страх потерять лишнюю копейку.

Во многих организациях такое практикуется уже давно. Мне недавно один менеджер жаловался на подобное. Мол, штрафы ввели, но забыли посчитать, сколько личного времени тратится помимо рабочего, если, допустим, надо отправиться в командировку в соседний город. Или же когда вместо того, чтобы останавливаться в гостинице, человек ночует у родственников. Мол, вот это и многое другое не учитывается вообще.

Наш начальник был въедлив, как короед. Все вот эти нюансы он, похоже, знал. И, я так подозреваю, не понаслышке. Видимо, когда-то сам начинал с самых низов и прошел все ступени, не пропустив ни одной. Знание деталей, конечно, народом приветствовалось, но шеф все равно прослыл тираном и сатрапом, выжимающим все соки из бедных и несчастных работников. А то, что зарплата значительно поднялась у тех, кто проникся идеями руководства, так это мелочи. Приятные бонусы к сытой жизни.

В коллективе сложилось мнение, что Неждан с Аполлоном — это два антипода, и не только во внешности, но и в манере общения, принятии решений, подходе к людям. Если генеральный был как скала, непробиваемый и устрашающий, то его зам был душкой и своим парнем в доску. Первый никогда не интересовался личными делами, увлечениями сотрудников, в то же время второй буквально старался влезть каждому в душу и вызнать все секреты и тайные желания. Лично меня это нервировало. Не нравилось мне такое панибратство. Хотя, может быть, я чего-то не понимаю в этой жизни.

Неждан по офису ходил, сверкая своими черносмородиновыми глазами, сканируя все и вся, замечая любую мелочь, любой непорядок. Я старалась в этот момент затихнуть и сидеть, не высываясь из своей комнаты.

Обычно мне везло. Но сегодня удача была явно не на моей стороне. С момента памятного знакомства прошло некоторое время. Я так и не встретила со Светланой. У нее что-то случилось на работе, и она была очень занята. Даже своих любовников забросила на время. Как-то звонила мне, жаловалась, что в одном месте уже все покрылось плесенью. Я же пошутила, что если бы она была морской звездой, то с ее скоростью регенерации она бы вновь стала нетронутым цветочком. Светик обозвала меня пошлячкой и обещала дать тумачков при встрече. «А еще лучше, — посоветовала она мне, — самой встать на путь истинный». В ее понимании это значило найти себе партнера для постельных утех. Я сказала, что непременно подумаю. После такого ответа у подруги выпала трубка из рук, настолько это было неожиданно. Она стала сокрушаться, что в настоящее время никак не может уделить мне внимание, но скоро обязательно все разгребет и выполнит обещанное. На

этой оптимистичной ноте мы и расстались, про тумачи она больше не вспоминала.

Сильные изменения захватили наш офис. Все старались работать, как того требовало высшее руководство, или, по крайней мере, делать вид, что работают. Ходили слухи о возможных увольнениях тех, кто не принял к сведению новую политику генерального директора. Народ, откровенно говоря, сидел и дрожал, как осиновый лист на ветру. Я не была исключением. Кому захочется потерять теплое место, где платят сносно и не требуют многого взамен.

Надо отдать должное Неждану. Ничего непосильного на людские плечи взвалено не было. Однако с лодырями и бездельниками у него разговор был короткий. На первый раз проступок, если он не очень серьезный, прощался. Во второй раз проводилось расследование и выяснялись причины, приведшие к нему. Есть ли прямая вина сотрудника, или это стечение обстоятельств? Если обнаруживалась вина, то человек брался на контроль и после еще одного проступка увольнялся. В принципе, все логично и справедливо.

Напрямую с новым начальником я еще не сталкивалась, хотя по должностным обязанностям должна была. Так получилось, что у генерального была свой секретарь, посредством которой и передавались все указания подчиненным. Или их передавал Аполлон, но это отдельная история. То есть Неждан был этакой притчей во языцех, о которой все говорили, страшились и видели изредка, что создавало вокруг мужчины некий ареол тайны.

Однажды он неожиданно возник на пороге моего кабинета.

— Юнона Альбертовна, вы передавали факс в «Север-Финанс»?

— Да, — непонимающе подняла я глаза на своего начальника.

Он зашел внутрь комнаты и, как мне кажется, заслонил собою весь свет из окна. Я пыталась насладиться каждой минутой светлого времени суток скупого зимнего дня. Безусловно, было немного темновато, но я тянула до последнего и не включала свет.

— Вы вообще смотрите, что отправляете? — последовал странный вопрос.

— Конечно. И слежу за очередностью листов. Всегда перепроверяю у принимающей стороны, сколько они приняли.

— Плохо следите. Была пропущена одна страница.

Меня бросило в жар от этого обвинения.

— Такого не может быть.

Я постаралась скрыть свое возмущение, прорывающееся в голосе.

— Убедите меня в обратном.

«Так, Юна, не нервничай, думай, думай», — успокаивала я себя.

— Можно узнать, откуда поступила подобная информация? — осторожно начала я.

Он подошел близко. Очень близко. Опять этот дурманящий голову запах. Я уже начинаю бояться сама себя. Неужели превращаюсь в животное?

— Отчего же? Пожалуйста. Моему секретарю позвонили и сообщили, что при проверке документов обнаружили нехватку одного листа.

И вот он возле моего стола, опирается руками, склоняется. Я стараюсь не отшатнуться и не показать своего состояния.

В глаза не смотрю, а то мало ли что может произойти. Перевожу взгляд перед собой, и он утыкается в кисти рук. Какие же длинные у него пальцы... Как у музыканта. Такими только ласкать струны или женский стан.

Начинаю сердиться на себя, на свои мысли и отвечаю Неждану более резко, чем

планировала заранее.

— А почему позвонили именно ей, ведь при получении факса указывается номер телефона отправителя? И насколько я знаю, номера у меня в кабинете и у секретаря разные. Это было сделано специально, чтобы не было накладок с отправлением. Давно. Еще до вас, — добавила, желая показать, что я тут старожил, а он так, без году неделя.

— Вот как?

Неждан выглядел озадаченным, однако со стола не поднялся и руки не убрал.

Мне показалось, или его ноздри затрепетали?

Тьфу на меня. Я уже брежу. Мало того, что сама принохиваюсь, так и думаю, что другие делают точно так же.

Только собралась ответить что-то типа того «сначала узнайте, как оно на самом деле, а потом разбрасывайтесь обвинениями», как распахнулась дверь, и в нее пташкой впорхнул Стас, начавший щебетать с порога.

— А ты знаешь, что сделал Аполлоша? — и это было сказано таким тоном, будто я должна быть в курсе всех событий. — Ой, я позже зайду.

И выскользнул прочь из комнаты. Какого черта его принесло именно в этот момент?

— Вас, Юнона Альбертовна, интересует Аполлон Аристархович? Так спросите у меня. Я же с ним больше общаюсь. Или вы успели познакомиться с ним поближе?

И что я должна ответить? Сказать, что не познакомилась, так нет же, общались и не раз. Даже больше, чем с остальными, но это же Аполлон, у него язык без костей. Он кого хочешь заболтает. Можно ли это считать близким знакомством? Наверное, можно.

— Кто же с ним не познакомился? — чистую правду сказала.

Глаза генерального сузились до маленьких щелочек, на щеках проступили четче края скул.

— Вместо того чтобы шашни крутить, занялись бы своими прямыми обязанностями. В бухгалтерии с обеда принтер не работает, и никому до этого дела нет.

— Но он же там не один.

Я знала о возникшей проблеме, и где-то через час ее должны были устранить, работа не простаивала, и такое макание в грязь лицом ранило очень больно.

— А если и с тем возникнут неполадки? Работа должна остановиться? Так?

Я начала тихо ненавидеть этот хриплый голос.

С усилием сжала одну руку другой, так что синяки будут. Я проглочу эту обиду. Не сорвусь. Не нагрублю. Но мой личный рейтинг генерального, ранее бывший очень высоким, стал катастрофически падать.

И тут внутри меня что-то лопнуло. Наверное, это было терпение. Я расцепила руки и с размаху бухнула ими на стол. Звук получился оглушающий, и это в тишине закрытого кабинета. Поднявшись со стула, я скопировала позу генерального. Уперлась руками о стол и склонилась в его сторону, так что мы оказались лицом к лицу.

— Претензии к пуговицам есть?

— К каким пуговицам?

Если бы я не была так раздражена, то обязательно бы улыбнулась череде выражений лица, сменявших друг друга.

— А хотите верх белый, а низ черный? Могу устроить. А носки к трусам, хотите, пришью?

Меня понесло. Снежный ком обиды копился, копился и накопился да с горы покатился.

— Зачем? — только и мог он сказать.

— А чтобы не потерялись. А то мало ли, вы потеряете один носок, а я буду виновата. Так вы сразу скажите.

Что сейчас будет? Держите меня семеро.

Я была в ярости, точка кипения была пройдена.

— Терпеть не могу, когда на меня кричат, — проскрежетал этот несносный Неждан Натанович.

— А вы не терпите. Впрочем, о чем это я? Эта добродетель вам не знакома.

Мне уже терять было нечего, и я решила выдать все, что думаю.

— Лучше замолчите, а то потом пожалеете, да поздно будет!

Черносмородиновые глаза сверкали.

— Вот только не надо мне угрожать. У нас свобода слова!

Я бы еще про права человека вспомнила...

Со стороны мы, наверное, напоминали двух орущих кошек, вернее, кота и кошку. У нас каждую весну под окнами раздаются пронзительные крики завывающих котов. Та еще какофония. Так что о ней я знаю не понаслышке.

— Зря женщинам дали право голоса, лучше бы они молчали по-прежнему, — выдал Неждан.

— Именно из-за таких мужланов женщин всю жизнь угнетают и гнобят, считая вторым сортом после самолюбивых, чванливых муд...

Я хотела сказать «мудаков», да вовремя язык прикусила.

Мы пыхтели. Еще чуть-чуть — и будет взрыв. Ну или убийство. Правда, кто кого убьет — это еще вопрос. Наши взгляды скрестились, как шпаги у мушкетеров, слова сыпались с частотой автоматной очереди.

Никто никогда так не выводил меня из себя. Может быть, это из-за того, что я чувствую к этому мужчине и не могу показать своих чувств. Либо же всему виной сексуальная неудовлетворенность, о которой мне постоянно твердила Светлана. И теперь она проявилась таким образом. Кто его знает? Но мы с Нежданом перли друг на друга, словно два бульдозера, не обращая внимания на неровности дороги, рытвины и выбоины.

— А что это вы тут делаете?

Ситуация была как в кино. И именно она стала конечной точкой нашего противостояния.

— Ничего! — рявкнули одновременно два голоса на заглянувшего в дверь Аполлона.

— Вы ругайтесь, ругайтесь, — он аккуратненько прикрыл дверь, стараясь не шуметь, — а я тут в стороночке посижу, послушаю.

И этот божок местного разлива взял стул, развернул к себе спинкой и уселся верхом.

Первой не выдержала я.

— Да что это вы себе позволяете? Тут вам не цирк-шапито. Немедленно покиньте кабинет!

И стала в позу, выставив вперед ногу.

Следом подключился Неждан.

— Аполлон, а не пойти ли тебе поработать?

Шеф был более сдержан в выражениях, но было видно, что держался он из последних сил.

— И пропустить самое интересное?

Зам положил голову на спинку стула.

— Нет уж. Увольте. У меня билет в первый ряд.

И этот гад всерьез надумал, что мы продолжим? Мы с Нежданом объединились против него.

— У меня тут не проходной двор.

Это я намекала, что синеглазому надо бы свалить отсюда по-тихому.

— Выйди, мы с тобой потом поговорим, — требовал Неждан.

А тому было хоть кол на голове теши, все побоку. Он взирал на нас с неумным любопытством пришедшего на представление ребенка.

— Я давно так не развлекался, — себе под нос начал Аполлон.

— А не пойти ли вам на живодерню? — предложила я, стараясь сбить с него апломб. — Там вам больше понравится. Кровищи валом, а уж зрелищ...

— Нет. У меня нервы слабые, а на железо вообще аллергия.

Ну и кто над кем издевается?

У Неждана подозрительно задергалось левое веко и кулаки стали сжиматься самопроизвольно.

Кажется, это увидел и красавчик Аполлон.

— Шеф, ты это. Не нервничай...

Кажется, пахло жареным.

Чтобы не показаться в моих глазах слабаком и при этом больше не выводить Неждана, Аполлон решился на обманный маневр.

— Босс, ты выяснил, что там с факсом?

И неторопливо встал со стула.

— Так вот откуда ветер дует? — взвизгнула я. — Это вы на меня поклеп возвели?

— Я ни на кого ничего не доносил.

Поняв, что попал как кур в ошип, Аполлоша решил все же ретироваться, пока ему не досталось на орехи. Стул был возвращен к стеночке, а сам возмутитель спокойствия заявил:

— Вы тут без меня разбирайтесь. Я тут вообще ни при чем.

И был таков. Только его и видели.

— Как это понимать? — под впечатлением от произошедшего обратилась я к Неждану.

— Не обращай внимания, его иногда заносит. А вообще он неплохой парень, — начал меня успокаивать шеф.

Странно получается, только что мы ругались как кошка с собакой, а стоило появиться постороннему, заняли одну позицию. Но как только этот посторонний исчез, тут же вернулись на свои места.

— Я и не переживаю.

Не зная, куда деть руки, я принялась тереть полу пиджака.

В разговоре случился перерыв. Похоже, что Неждан не знал, о чем еще спросить или что сказать. Да и я как в рот воды набрала.

— Ну я это... Пойду... — будто от меня требовалось разрешение, сказал шеф.

— Угу. Счастливо.

А что еще я должна была произнести?

— Привет, кошечка.

Светланка так и лучилась позитивом.

— Чего это ты такая довольная? — смеясь, откликнулась я в трубку.

— А где приветствия? Где фанфары? Где туш? И красной дорожки как-то не наблюдается, — начала наезжать подружка.

— Та-та-та-там, — поддержала я ее игру. — Я приветствую тебя, о несравненная моя. Красная дорожка выслана с курьером, но он, похоже, застрял в пробке. Может быть к вечеру появится.

— Давно бы так. А то сразу в бутылку лезешь. Я, между прочим, твоя должница и готова выполнить любое желание.

А вот этого мне только не хватало. Когда она говорит, что должна мне что-то, то потом оказывается, что это что-то должна сделать я.

Как-то в юности пообещала Света мне подарить великолепную фотографию со мной в качестве единственного персонажа, изготовленную ее умелыми руками. При этом у нее не было ни фотоаппарата, ни навыков, вообще ничего. Сначала нам пришлось читать непонятные технические обзоры, чтобы правильно выбрать аппарат. Потом мы разыскивали тех, кто уже пользовался выбранной моделью фотоаппарата. Затем приобретали все прибабасы для портретной съемки: штатив, бленды, вспышки и так далее. Потом я должна была не просто позировать, а сама выбирать ракурс, настраивать фотоаппарат и думать про освещение. И потом, наконец, я стала обладательницей собственного портрета в рамке, на котором можно было смело написать «добыт кровью и потом».

С тех пор я очень осторожно отношусь к таким заявлениям Светланки. И по возможности стараюсь ничего подобного не допускать. А то себе дороже получается. Хорошо, что в этот раз она не уточнила, что именно она должна мне. Может, со временем забудет, а я вздохну спокойно.

— Да мне как бы ничего не надо, — осторожно начала я, думая, в какую сторону увести разговор, лишь бы соскользнуть с данной темы.

— Это ты так думаешь, а на самом деле очень даже надо, — сообщила подруга в трубку.

— Интересно, что же мне необходимо, о чем ты так с придыханием говоришь?

Я поняла, что соскочить у меня не получится, и решила сразу выяснить, к чему же я должна быть готовой, чтобы вовремя принять контрмеры.

— Я задолжала тебе друга для постельных утех.

Хорошо, что во время разговора я сидела на стуле, а не стояла. Иначе грохнулась бы на пол, ударилась головой о край стола и умерла смертью храбрых, не приходя в сознание. Хотя, может, это было бы и лучше, поскольку я со страхом ожидала продолжения Светланиного повествования.

— Ты купила мне... виб...

Дальше язык не повернулся сказать.

— Нет. Я, конечно, подумывала прикупить тебе реалистик телесного цвета, с выпуклыми венками, розовой головкой, с десятью режимами вибрации, гибкий и водонепроницаемый...

Моя челюсть с грохотом упала на стол и осталась там лежать. От полученной информации я была в полнейшем ступоре. Если она это приобретет, то непременно заставит примерить, вернее, применить на практике. Лучше пойти сразу утопиться в унитазе или удавиться на батарее в туалетной комнате. А я так надеялась на долгую и счастливую жизнь.

Такого позора я не вынесу. Подруга продолжила:

— Но я решила, что ты слишком маленькая и закомплексованная, да и живой гораздо приятнее и лучше для здоровья, потому будет натурпродукт.

— Ты сейчас что имеешь в виду?

— Это не я тебя введу в царство разврата и порока, а настоящий всамделишный мужчина. Твои вкусы я знаю, требования тоже, так что, подруга, можешь говорить мне спасибо. Я сэкономила кучу твоего времени, которое нынче очень дорого, а у тебя его и подавно никогда нет, — сказала, как припечатала.

Кажется, я застонала в голос. Схватилась за голову, раздумывая, как лучше совершить ритуальное самоубийство, чтобы тень подозрения пала на Светлану в качестве сатисфакции за мою безвременно загубленную жизнь.

— Э-э-э, ты чего там? — раздалось на том конце провода. — Все не так плохо. Не понравится, так не понравится. Никто же тебя насильно заставлять не будет. Я же не палач гестапо.

И она считает, что этой фразой должна меня успокоить? Может, пока не поздно, мне лучше сбежать на северный полюс? Черт. Я же холод не люблю. Придется бежать на экватор. К папуасам или лучше сразу к пигмеям? А может, в Сибирь податься? К Агафье Лыковой? Вот где красотища. Кругом одна тайга. Ни одной живой души. Самолеты, и те над головой раз в пятьдесят лет пролетают. Будет она меня кедровым молочком угощать. Есть у Агафьи свой рецепт. Берет горсть кедровых орешков — пережевывает, а то, что пережевала, но не проглотила, сплевывает в стакан. Этим и угощает. Бр-р-р. Я живо представила эту картину и меня аж передернуло.

— Юночка, солнышко, не надо к пигмеям и к Агафье не надо, — так я это все вслух произнесла? — но надо же когда-то выползть из своего панциря. Ты же живой человек. Ну хочешь, я от тебя отстану? Хочешь, не буду звонить и надоедать со своими предложениями? Я же понимаю, что ты другая, не такая, как я или кто-то еще. А меряю по себе. Что хочешь? Только скажи. Только не принимай поспешных решений. Я же тебя знаю. Ты тихая- тихая, а потом бац — и вулкан со всеми вытекающими из этого последствиями. А нам оно надо? Нет. Нам оно не надо. Юночка, ты меня слышишь? Чего ты молчишь?

И столько участия было в голосе у Светланки, столько желания действительно помочь, что мне даже жалко ее стало. Не себя, а ее. Ведь она на самом деле мне желает добра. На свой манер. Своеобразно. Но добра в ее понимании.

— Свет, да не убивайся ты так. Я же обещала, что приму какие-нибудь меры в этом направлении. Ты только мне розовый с венками не вздумай купить в подарочной упаковке. Ведь все равно деньги на ветер выбросишь. Ладно?!

— Так ты согласна? — радостно на том конце провода заверещала Светланка.

— Расскажи-ка мне, подруженька, сначала, на что я подвизываюсь, а то мне и на работе забот хватает, чтобы еще куда-то вляпаться по самые яй... уши.

— Ты, главное, добро дай, а там я уже все организую по высшему разряду. Первый раз, как говорится, попробуешь, а потом и во вкус войдешь.

— Это ты сейчас о чем, дорогуша? — чувствуя подвох, спросила я.

— Ну как? Ты же у нас практически ж нетронутая, с тобой надо аккуратно обращаться, чтобы все в рамках. Шаг влево, шаг вправо расценивается как побег, прыжок на месте — как попытка улететь, тьфу, соблазнить. Короче, сядь, если стоишь. Сидела уже? Да? Ну тогда ладно. Сразу не кричи «нет». Обдумай. Обещаешь?

— Да, — едва успела я встрять в ее монолог.

Прямо-таки представление в театре одного актера, да еще по телефону.

— Отлично. Теперь задержи дыхание и сразу не возмущайся. Поняла?

Вот эти ее подводки к главному начали меня уже нервировать по полной программе. Ясно, что задумала она что-то из ряда вон выходящее. Это даже к бабке ходить не надо. Но вот что? Мне даже стало интересно, и чего она там намудрила? Столько подготовки, столько реверансов сразу Светусик давно не расточала.

— Светка, если ты сейчас все нормально не объяснишь, то я брошу трубку. Хватит ходить вокруг да около. Говори по делу. Поняла?

— Юночка, ты только не волнуйся. Ладно? — стала лебезить подруженция.

— Еще одно слово не по существу — и все. Считаю, что мое терпение лопнуло. Выкладывай свою очередную бредовую идею. Обещаю, что выслушаю до конца. И даже сразу отвечать не буду.

Если бы я знала, на что только подписалась. Надо было бросить трубку в самом начале разговора, чтобы не слышать того, что я слышала. У меня уши завяли от возмущения, язык отнялся от бранных слов, желавших слететь в сторону говорившей. И как хорошо, что разговор был по телефону, а то я бы ее точно прибила в состоянии аффекта. И мне бы ничего за это не было, поскольку любой суд оправдал. Таких «друзей» топить надо в бочке с водой, как слепых котят, пока они не натворили беды. Но все по порядку.

— Обещаешь? Обещаешь? Обещаешь подумать? Да?

Она там что, выплясывать начала? Все может быть.

С нее станется. Вот если что себе вобьет в голову, то пиши пропало: пока не добьется, будет колотиться, как дятел.

— Последнее китайское предупреждение.

— Я заказала тебе мужчину по вызову на целую неделю.

И Светлана замолчала, ожидая реакции на свои слова.

Взрыв ядерной бомбы вызывает меньшее потрясение. Это точно.

Она молчала, и я молчала, стараясь не высказать сразу все, что я думаю по поводу умственных способностей подруги, которая давным-давно стала мне родным человеком. Подруги, за которой я пойду на край света, если понадобится. Я люблю ее как сестру, которой мне Бог не дал. Но ее же я иногда готова убить голыми руками, лишь бы не мучила всех остальных своими идеями. И откуда они только берутся в ее головушке? Кто бы мне подобное сказал?

— Это ты так пошутила? Да? — осторожно начала я, предполагая, что Света произнесет «обманули дурака на четыре кулака», как она делала в детстве.

— Нет.

И тишина.

— Что нет?

Во мне начало подниматься раздражение.

— Я не пошутила. Я на самом деле так сделала. И либо деньги пропадут, либо нет, в случае, если ты воспользуешься услугой, — вздохнула Светлана.

— И много? — даже интересно стало.

— Двадцать.

— Двадцать тысяч рублей? Да я тебе завтра с карточки сниму и отдам. Чего ты переживаешь? Все нормально, — облегченно вздохнула я.

Вот и решили проблему.

— Евро.

— Что евро?

— Тысяч.

— Что-о-о? Двадцать тысяч евро ты заплатила за какого-то зачуханного мужика? Ты сдурела? Да? Совсем сбрендилла? У тебя работа последние мозги выела? Ты вообще соображаешь, что творишь? Чокнутая! Дура! Идиотка! — орала я, совершенно не стесняясь в выражениях.

— Почему это он зачуханный? Товар высшего сорта.

— Какого еще сорта? Ладно, я бы поняла, если б ты подговорила кого-нибудь из своих бывших, того, что тебе уже не надо, а выбросить жалко, но за деньги... Кстати, ты банк грабанула? Откуда у тебя столько?

Я знала, что подруга не была из богатеев и это для нее неподъемная сумма.

— Я на машину копила...

— И вот это ты отдала за какого-то...

Я чуть было опять не зашла на новый круг объяснений.

— Подумаешь... Машину в кредит можно взять, а вот помочь дорогому человеку избавиться от комплексов и решить проблему — это моя гражданская задача.

— Больная на всю голову. Ей Богу. Ты за что такие деньги отгрохала? Оно же того не стоит. Уж лучше бы ты машину купила...

Но давливать не стала. Она же у меня одна такая. Сумасшедшая.

— Стоит. Еще и как. Фирма проверенная. Все мужики, можно сказать, со знаком качества. Высшее образование, обязательное владение каким-нибудь музыкальным инструментом, отличная физическая подготовка, знание этикета, основ психологии. Постоянно проходят медицинское обследование, что само по себе уже большой плюс. На работе не пьют спиртного, только по желанию клиентки. Владеют техникой тантрического...

Я ей не дала договорить.

— Хватит, — она точно менеджер по продаже, так же нахваливает. — Небось, какие-нибудь отбросы, не нашедшие себе места в жизни, подвязавшиеся тра... прости, покрывать богатых дамочек. Это ж как себя надо не уважать, чтобы продаваться за деньги.

— Хотела бы я, чтобы мне так платили, — сокрушенно начала Светлана. — Да вот только при всем желании я туда по параметрам не пройду. Я тебя уверяю, что в этой фирме работники не уступят английскому пэру по уровню образования, навыкам и способностям. А свои деньги они отрабатывают на все сто. Я проверяла. Не мужиков, конечно. Встречалась с клиентками клуба. И ни одна не отозвалась плохо.

— И как тебя туда занесло?

— Ты же понимаешь, что я не могу раскрыть секретную информацию?

Ну да, работа у нее такая. Что поделать.

— Откуда ты только взялась со своей работой?

— Так ты согласна? — с надеждой спросила Светлана.

— Я же сказала, что подумаю.

— Ну, слава Богу, хоть не послала куда подальше, — вздохнула она с облегчением.

Пошлешь тебя, как же. Ты же и на том свете достанешь. Хотя, на самом деле, такой подругой можно гордиться. Я была уверена в ней, как в себе, и за это прощала все, даже вот

такие экстраординарные выходы. И ведь придется думать, что со всем этим делать. Задала задачку подруженька.

— Свет, я бы послала, но мне же с тобой придется идти.

— Я тебя люблю, — тихо произнесла она.

— Я тебя тоже.

— Ты мне скажешь, что надумала?

Вот же настырная.

— Куда же я денусь?

А дальше мы попрощались. Я обещала подумать и сообщить, что решила.

До конца рабочего дня я не могла ни на чем сосредоточиться. Обдумывала предложение, озвученное Светланой. Она, конечно, хороший человек и великолепная подруга, но в этот раз перещеголяла даже саму себя. Ну разве можно вот таким образом распоряжаться человеческими судьбами, в частности, моей? И что я ей такого сделала?

Или она меня действительно любит больше, чем себя, или у нее не все в порядке с головой? Надо же было променять свою мечту, а о машине она грезила давно, уж я-то знаю, на мифическую помощь мне родимой.

Где же мне взять такую неподъемную сумму, чтобы рассчитаться со Светланой. Я все же собиралась отказаться от предложения этой ненормальной. Придется идти на поклон к отцу. Он будет только рад, что я приму его помощь. А как бы мне этого не хотелось!

Одно дело воспользоваться подарком, хоть и дорогим, но все же подарком, а другое — ввести подругу в пустую трату. Ведь она из принципа сама не станет вместо меня проводить время с этим идеальным мачоэном. У нее так: пусть лучше пропадут деньги, но не изменятся убеждения. Вот такая она вредная. Наверное, мы все имеем отвратительные черты характера, с которыми окружающим приходится мириться, так что надо терпеть.

* * *

— Привет, красотка!

Аполлон нарисовался — не сотрешь.

После истории с факсом и нашей размолвки с генеральным я директора не встречала даже в коридоре. Как будто судьба разводила, а может быть, он просто избегал меня. Вот такая шальная мысль пришла мне в голову. Неужели я себя возомнила кем-то, кем на самом деле я не являюсь? Я заметила, что стала больше внимания уделять своему внешнему виду. К чему бы это? Наверное, к дождю, ответила себе.

Если Неждана я не видела, хотя в глубине души надеялась на встречу, то с Аполлоном сталкивалась часто. Он все пытался как-то меня задеть, остановить, дотронуться.

Вот и сейчас, когда я шла из технического отдела, мечта всех местных женщин от четырнадцати до восьмидесяти двух остановила меня около автомата с кофе. А что? К нашему Ивану Семеновичу из планового пришла мама, так она чуть ли не из кожи выпрыгивала, когда пыталась с ним заигрывать. Было так забавно на это все смотреть. Я стала случайной свидетельницей произошедшего.

— Не поможешь с этим монстром? — сделал лукавое лицо Аристархович.

— Я, вообще-то, спешу.

На самом деле рабочий день уже закончен, и пора бы отправляться до дому до хаты, как

любит говорить моя подруженция.

— Неужели не уделишь минутку своего времени преданному поклоннику?

Я немного опешила от такого обращения. Аполлон со мной заигрывает? Это что-то новенькое.

— Если только минутку, — не стала я заострять внимание на реплике мужчины. Может, он со всеми так общается. Знаю, что любит витиевато высказаться. — Деньги уже проглотил?

Я имела в виду, что автомат получил свою мзду, но товар не выдал в руки.

— Еще нет. Вот, возьми, несравненная.

Аполлон как-то чересчур широко мне улыбнулся. Я протянула руку, чтобы взять купюру. И нет, чтобы просто отдать денежку, Аполлон придержал ее пальцами, так что несколько мгновений мы держали ее вместе. А потом он как бы ненароком погладил мои пальцы, при этом очень пристально смотрел своими лазурными глазами.

Я удивленно подняла брови, показывая, что не поняла юмора, но вслух ничего не сказала. Повернулась к автомату, чтобы выполнить просьбу Аполлона и как можно быстрее отчалить домой. Механический монстр с урчанием проглотил банкноту, и я принялась ждать подачи бумажного стаканчика, предварительно спросив у любимца женщин нашего коллектива, какой из напитков он желает получить.

— А любой. Мне все равно, — получила в ответ.

— Ну как это все равно? — ответила я.

— Когда рядом такая красивая женщина, все мои мысли сосредоточены лишь на ней.

Я так понимаю, что это обо мне. Точно не показалось, что Аполлон со мной заигрывает. В принципе, если бы это произошло не на работе, то я, наверное, не возражала бы против его внимания. Но как-то это все странно.

— В нашем офисе полно красивых женщин, — решила я все свести к шутке.

Я немного наклонилась, чтобы сподручнее было поймать стаканчик и удержать его в вертикальном состоянии. И кто программировал этого монстра? Руки бы ему оторвать... по самые плечи.

— Но не настолько, — выдохнули мне где-то в районе уха так чувственно, что по плечу побежали мурашки.

Неожиданно.

— Да будет вам со мной заигрывать. Вон, Анжелика из бухгалтерии с вас глаз не сводит, а она у нас практически на конкурсе красоты победила.

Девушка действительно была очаровательна. Ноги от ушей. Большие зеленые глаза с поволокой. Тонкая талия, плавно переходящая в крутые бедра. Не девушка, а конфетка. Хорошо, что я женским полом ни-ни. А то бы исстрадалась вся по такой душечке.

— А ты любишь рубить с плеча. Да, милая?!

И опять дует мне в ухо.

— Щекотно.

Я увернулась в сторону. Но тут в автомате брякнуло, и отход, было начавшийся, отменился. Иначе всем будет худо. Сладкий кипяток — это не та жидкость, под которой хочется постоять.

Поймав стаканчик на лету, я почувствовала, как горячая мужская ладонь обхватила мою руку поверх, голова устроилась на плече, а вторая рука обвила талию.

— Должен же я перенимать опыт, — объяснил свое поведение Аполлон.

— Так, может быть, я уже и не нужна?

— Как это не нужна? Такая женщина на вес золота, что и ...

То ли он хотел сказать «коня на скаку остановит» и так далее, то ли еще что-то, но в этот момент прогрохотал хриплый голос, принадлежащий нашему генеральному:

— Вы бы еще разлеглись тут в коридоре.

Вот сволочь. У меня не нашлось нормальных слов, чтобы описать этого отвратительного человека, самого большого босса в нашем офисе.

— Даже если бы и разлеглись, тебе какое дело? — не поворачиваясь, парировал Аполлон. — Рабочий день уже закончен, можем заниматься чем угодно.

Все мое тело было словно натянутая струна. Я попыталась осторожно выбраться из захвата мужчины, но у меня не особенно получилось. Он держал, как будто тиски сжали.

— Что-то девушке не совсем комфортно в твоих объятьях, — прохрипел Неждан.

От звука его голоса произошло странное. Вроде бы сзади стоял Аполлон, я очень хорошо это знала, но меня посетила странная мысль, что не красавчик меня обнял, а другой. Тот, чье лицо не красиво, даже, скорее, грубо, тот, у кого и голос ниже, и речь не такая гладкая, и волосы не обрамляют скулы мягкими прядями, а жесткими рядами растут на голове, но только в них хочется запустить руку и убедиться, что они такие же на ощупь, как кажется. И именно он дышит около уха, а не другой.

Надо что-то с этими видениями делать. Все же они от внутренней неудовлетворенности, не надо себя обманывать. Хоть с собой, Юнона, надо быть честной.

Изголодалась ты по мужской ласке, тело требует, животные инстинкты сидят в нас глубоко, и лишь на время можно их притупить.

— Всем девушкам комфортно в моих объятьях, — ответил Аполлон.

Не надо было быть чересчур умной, чтобы понять, на что он намекает.

Он развернул меня, обхватив двумя руками, голова мужчины по-прежнему лежала на моем плече. Кофе был благополучно забыт, я успела вовремя, и автомат уже никого не окатит кипятком.

Теперь я видела перед собой Неждана. Черносмородиновые глаза пылали гневом. Зрачки расширились, и казалось, будто вместо глаз черные провалы. На виске проглядывала пульсирующая венка. Ноздри слегка трепетали, а желваки ходили ходуном. Он с усилием сжал челюсти, еще чуть-чуть — и я услышу скрежет зубов. Вся фигура напряглась, и если бы он был волком, то я бы посчитала, будто он готовится к прыжку.

И внезапно я поняла, что начинаю возбуждаться только от одного вида этого крупного мужчины. Волны жара распространились от низа живота и побежали по всему телу. Я почувствовала, как железы внутренней секреции начали активно вырабатывать жидкость, способную облегчить и сделать приятным контакт с мужчиной. Я ничего не могла с этим поделать. Я пыталась бороться, заставляла себя дышать ровнее, успокоить галопирующее сердце. Но чем дольше смотрела на разъяренного мужчину, тем сильнее возбуждалась.

Я хотела избавиться от чувства неудовлетворенности. Тело требовало разрядки. Сейчас. Немедленно. Сию секунду.

И тут я заметила, что Неждан ведет носом, будто принюхивается к чему-то. Если бы мы были животными, то я бы подумала, что он учуял запах моего возбуждения. Но мы же не звери, и он не мог меня почувствовать. Все заняло доли секунды, но мне показалось, что они растянулись на часы.

— А может быть, стоит спросить у самой девушки? — сквозь зубы прорычал Неждан.

Ого. Да они же как два самца решили сцепиться из-за самки, вот только забыли спросить, хочет ли она этого.

— Юночка, тебе же приятно в моих объятьях? — мурлыкнул этот несносный соблазнитель и нежно поцеловал в ушко.

Я не дернулась, а спокойно стояла, мне и так тяжело было сдерживать внутренние порывы, не хватало еще отвлекаться на внешние раздражители.

В глазах Неждана бушевала буря чувств, мое возбуждение поднялось еще на одну ступеньку выше. Я чувствовала, как напряглись соски груди, как требовали к себе внимания, как жаждали ласки. Боже, я становлюсь нимфоманкой.

— А еще приятнее мне будет, когда вы, Аполлон Аристархович, уберете руки с моего живота и снимете тяжесть с моего плеча, — стараясь не выдать своего состояния, размеренно выговаривала я каждое слово.

— Вот видишь, друг, твоя голова — это неподъемная тяжесть для хрупкой девушки, — с облегчением выговорил Неждан.

— Она не понимает своего счастья... — начал было красавчик местного разлива.

— Господа, вы тут поговорите. Без меня. А мне уже пора.

Отцепив руки мужчины от своей талии и стряхнув его голову, я отступила в сторону и добавила:

— Кофе не забудьте.

И, не обращая более внимания ни на одного из мужчин, стараясь не перейти на бег, удалилась в сторону раздевалки.

— А попрощаться, милая? — сказал вдогонку Аполлон.

Сквозь его слова на грани слышимости прозвучало чужое рычание, действующее на меня похлеще любого афродизиака.

У меня было лишь одно желание — убраться отсюда подальше. Возбуждение готовилось сжечь меня изнутри. Я словно течная сука, вот только не ищу самцов, а стараюсь убежать от них подальше. Нет. Пора завязывать со своим воздержанием. И пусть я не хочу больше любви и всего, что с ней связано, а голой физиологии и только ее.

Светочка, солнышко, как же ты вовремя подвернулась со своим подарком. Я приму его и использую на полную катушку, а иначе сойду с ума от дикого возбуждения, выворачивающего наизнанку и заставляющего думать только об одном.

Как я преодолела расстояние от работы до дома, я помнила плохо. В памяти остались лишь отрывочные воспоминания. Вот я залезаю в переполненный автобус, где нечем дышать. Запах от человеческих тел бьет в нос. Меня тошнит от этого букета в то время, когда хочется почувствовать лишь один, тот, который приятен для обоняния. Но его нет среди этой какофонии запахов. Одежда раздражает тело, ее хочется снять, но разум кричит «не смей». И, слава Богу, он побеждает. Вот я вываливаюсь с толпой таких же страдальцев на нужной остановке. Рада хотя бы тому, что дышать становится легче. Даже выхлопные газы приятнее вдыхать, чем запах потного тела. Господи, неужели во всем городе отключили воду? Или люди разучились мыться? А может быть, не знают, как и чем стирается одежда? Эти и другие вопросы роились в голове, пока я бежала к своему дому, поднималась на этаж и входила в квартиру, в которой обитаю.

Снять! Снять! Все с себя снять! Буквально содрала с себя шапку, шубку и шарф. Дальше пошла в ход сапоги. Прочь и их. Поймала свой взгляд в зеркале прихожей. Сумасшедший. Или возбужденный, что не лучше. Хотелось раздеться донага, чтобы стало легче дышать телу.

Да что же это со мной творится? Никогда не была чувствительной особой. А тут как прорвало.

Может быть, мне станет легче в душе? А что? Это идея. Контрастный душ — самое то. Я избавилась от офисного костюма, бросив его тут же на пол. Черт с ним, даже если помнется, потом переглажу. Так. Колготки тоже долой. Вот уже стало легче дышать, но тело все равно зудело.

Может, я подхватила чесотку где-нибудь в общественном месте? Тут же сама себя одернула. Ага. И где это я терлась голой грудью? А может, попой без трусиков садилась на общественный унитаз? «Дура», — говорю сама себе. Такого же никогда не было. Я брезглива до безобразия. Потому и быть такого не может.

Осталось нижнее белье. От него я тоже избавилась тут же, в прихожей. А какая разница, где раздеваться? Все равно у меня в квартире посторонних нет, а все окна занавешены плотными шторами. Там же, где на меня могут глазеть, окна всегда закрыты. Нечего всяким извращенцам подглядывать.

Фух. Стало легче. Но не намного. Конечно, это я сама себя накрутила до такого состояния, но возможности подумать на эту тему нет. Освободившись от одежды, залетела в ванную, задернула штору и включила душ.

Первые струи ледяные. Казалось бы, должны охладить тело, но не тут-то было. Во мне словно ядерный реактор, который пылал, распространяя во все стороны жар. Может быть, я заболела? Ага. Недотр... недолюбленная я. Вот такая.

Струи душа лились на макушку, но толку от этого было мало. Наверное, сейчас меня бы спас душ Шарко, когда со всех сторон вода бьет под напором... А почему бы и нет? Почему бы не устроить точечный душ Шарко? Тут же воплотила идею в жизнь. Сняла рожек и отрегулировала напор воды. Теперь она была не множеством тоненьких струек, а несколькими агрессивными струями. Провела рукою с зажатой головкой душа вдоль тела. Облегчение слабое, но, тем не менее, там, где прошла вода, вроде бы стало легче.

Руки, шея, грудь, живот — все подставила под струю воды. Вот она спустилась ниже и ударила между ног... Острое удовольствие пронизало тело. А если еще раз туда? А если чуть расставить ноги? Струя била туда, куда я направила ее. Возбуждение, до этого копившееся внутри, начало стремительно расширяться, захватило тело целиком, подвело к обрыву... и столкнуло в пропасть. Острый до боли оргазм пронзил тело.

Докатилась. Удовлетворила себя с помощью подручных средств. Скажем так, дистанционно воздействовала с помощью водяной струи. А еще от вибратора отказывалась, когда Светлана предлагала. Ханжа. Лучше бы согласилась сразу, тогда бы Светусику не пришлось тратиться на мужика. Теперь все равно поздно. Она же уже оплатила услуги «ночной бабочки».

В изнеможении оперлась на стенку в ванной. Рука с рожком душа, опущенная вниз, дрожала, струя по-прежнему била из него. Пора что-то решать. Надо делать первый шаг. И почему бы не попробовать сделать его с профессионалом своего дела?

* * *

— Здравствуйте, можете пройти и присесть. Хозяйка скоро подойдет.
Мы со Светланой прошли в светлый офис.

Я все же не выдержала и согласилась на предложение Светланы.

Еще бы этого не произошло после бессонной ночи. Приключение в душе дало лишь временное облегчение. Стоило лишь мне прикоснуться к подушке, как сразу же пошли образы.

Я с незнакомцем, лица которого не вижу. Он ласкает мое тело. Гладит, целует везде, где только можно себе представить.

Это невысказано. Это божественно... Я плавилась. Я таяла. Я улетала в наслаждении.

— Свет, может, мы зря пришли? — все еще сомневалась я.

— Дурой ты, Юнка, будешь, если упустишь свой шанс, — вещала Светка.

— Так, может, ты забереешь? — спросила я настороженно.

— Чего я не пробовала, дурашка? Ко мне же мужики липнут только так, — констатировала факт Светлаша.

И ведь так оно и есть. В Светлане есть изюминка, та часть души, сущности, как хотите это назовите, что привлекает сильный пол. Что заставляет их падать ниц. Это дар. Это проклятие. Это подарок небес.

— Добрый день, девочки, — поздоровалась с нами дама средних лет, ухоженная и красивая, словно царица Елизавета.

— Здравствуйте, — поздоровалась я.

— День добрый, — сказала Светлана.

— Я так понимаю, что вы пришли выбрать спутника на следующую неделю?

— Да, — твердо ответила Света.

Перед этим приходом мы долго обсуждали подарок Светланы. Я убеждала ее в необходимости воспользоваться самостоятельно своим даром, а она меня в обратном.

В итоге я сдалась. Вообще-то сильно и не протестовала после недавнего взрыва чувств. Спасибо, что потом были выходные дни, и я не встречалась с тем, кто занимал все мои мысли.

— Пожалуйста, вы можете посмотреть портфолио всех моих мальчиков. Будьте уверены: они чисты и проверены. Никаких проблем с ними не возникнет.

— Да уж проблем нам не надо, — сказала Светлана.

— Скажите, а они действительно все имеют высшее образование?

— Да, дорогая, а некоторые даже защитили кандидатские диссертации в разных областях науки. В их портфолио все отражено надлежащим образом. Хотя моих клиентов, как правило, наличие ума интересует в меньшей степени, — под нос произнесла себе мадам.

Красивая женщина средних лет продавала любовь, вернее, суррогат любви, всем кому ни попадя.

— Ну да, — пробормотала я про себя. — На фига ум, если эрекции нет. И обратное. Одним словом, ум и эрекция — понятия не совместимые, — решила я.

— Нам бы серьезных, — промолвила Светланка, показывая своим видом, что она очень занятая женщина и у нее очень мало времени.

— Вот, смотрите, эти самые-самые, — расхваливала товар мадам.

Мужчины были разные. Блондины и брюнеты. Рыжие и лысые. Но все молодые и с умными глазами, этого у них не отнимешь.

— А они точно со знаком качества? — переспросила Светлана.

— Если разочаруетесь, то замена за счет фирмы. Поверьте, девочки, эти мальчики стоят тех денег, которые вы за них заплатили.

— Да если бы они были нормальными, поперлись бы они сюда? — пробормотала я про себя, но, похоже, мадам это услышала.

— Деточка, они отработают каждый рублик, потраченный на них. Ни тебе пьяных дебошей, ни выяснения отношений, ни мордобоя. Хочешь голый секс, будет тебе голый секс. Хочешь интеллектуальные беседы на тему раннего Ренессанса? Пожалуйста. Или про эпоху Калигулы можете поговорить между сеансами эротического массажа.

— А танцевать они обучены? — брякнула я.

— Какие вы желаете танцы? Эпохи Возрождения, современные, брейк, танец живота, хотя с этим маленькие накладки. Стриптизу так же обучены. Наши дамы зачастую требуют именно стриптиз с полным раздеванием. Вот, посмотрите Маугли, он у нас просто мастер стриптиза. Раздевается медленно и умопомрачительно красиво. А что он может на пилоне вытворять — это вообще сказка. Хотите?

Она с надеждой посмотрела на нас.

— Нет. Спасибо. Не надо нам на пилоне, — отказалась я.

Мне хотелось, чтобы сердце дрогнуло, чтобы захотелось увидеться с мужчиной, узнать, что он за человек. Секс сексом, но человеческие качества еще никто не отменял.

— Можно подобрать мастеров спорта, допустим, по греко-римской борьбе или по вольной. Как вы пожелаете. Желание клиенток здесь закон.

Еще бы, такие бабки платят за то, что можно взять бесплатно, приложив минимум усилий.

Мы просматривали фотографию за фотографией, но ни один не трогал меня. Мужчины были хороши. Красавцы, все на подбор. Накачанные, ухоженные... Но все было не то. Не лежала у меня к ним душа.

Я просмотрела уже несколько каталогов, но ни на одного, из предложенных мужчин, у меня не запала душа.

— Неужели никто не приглянулся? — спросила у меня мадам.

— Знаете, они, наверное, слишком для меня хороши, — ответила я.

Уже решив, что вряд ли кого подберу, успокоила свое внутреннее я. Не судьба, значит. Не случилось так, чтобы незнакомый мужчина заинтересовал меня настолько сильно, что я захотела бы с ним встретиться. И не только это. В постель лечь... Видно, это не мое.

— Юнона, можно мне так вас называть? — окликнула меня мадам.

— Конечно. Я не возражаю.

— А что бы вы хотели увидеть? — спросила она меня.

— Знаете, наверное, не такие совершенства. Я немного комплекую, когда смотрю на этих мужчин. Они, безусловно, красавцы. Умны, наверное. Хороши. Но даже я вижу, что, например, кожа на руках у них лучше выглядит, чем у меня. Ну не могу я выбрать такого мужчину, — я сокрушенно улыбнулась. — Наверное, они не для меня.

— Я вас понимаю, — произнесла мадам. — У меня еще кое-что есть, я предполагала, что это пригодится.

Она достала из ящика письменного стола еще один альбом. Он ничем не отличался от тех, что мы только что рассмотрели.

— Вот, полистайте, может быть, кто-нибудь вас заинтересует, — сказала мадам.

Я с опаской взяла альбом. Что меня там ждало, я не знала? Хочу ли я этого? Безусловно. Мне хватило недавнего происшествия. Кроме того, на меня давил тот факт, что подруга сильно потратилась.

— Это что? Второй сорт? — спросила я.

— Я бы так не сказала, — вторила мне мадам. — Скорее, нестандарт.

— Это как понимать? — поинтересовалась Светлана.

— В этой подборке собраны мужчины, которые изъявили желание работать на нас в силу определенных жизненных обстоятельств. Я не могу гарантировать на сто процентов их соответствие всем стандартам фирмы, но могу гарантировать порядочность. У этих мужчин в жизни все стабильно на сегодняшний момент. В отличие от остальных они могут отказаться от задания. Но тем они и интересны, что достаточно свободны. А вообще вам решать, выбирать из этой серии или нет. Можете еще раз просмотреть предыдущие альбомы. Посмотрите, наверняка что-то выберете для себя.

— Давайте, — с каким-то внутренним трепетом произнесла я.

— Юнона Альбертовна, я вас предупреждаю, что эти мужчины свободны в своих действиях. Это своего рода риск. Вы понимаете это? — спросила мадам.

А разве не риск познакомиться с мужчиной в кафе или на улице? Да и на работе познакомиться разве не рискованно? Эти, по крайней мере, знают правила игры. А те? Те ничего не знают. Они хотят только то, что хотят.

С такими я уже сталкивалась. Именно из-за них мое воздержание растянулось на несколько лет, и я мечтала прекратить его.

— Давайте так. Я выберу. А дальше будет видно. Не убьют же меня.

А про себя добавила, что если убьют, то так тому и быть.

Значит, такая у меня судьба.

Альбом ничем не отличался от других, которые я только что просмотрела. Такой же строгий, выдержанный в серых тонах. Лишь фото в цветном исполнении.

Первый кандидат мне не понравился. Чересчур плотен. Можно сказать, толстоват. Одно дело, если бы я с ним прожила десяток лет и он бы незаметно поправился, а другое, когда я вижу его первый раз.

— Этот мне не нравится, — озвучила свой вердикт.

Следующий был, в принципе, не плох. Чернявый. В меру приятная внешность. Но мне показалось, что он был прыщав. Одно дело в двадцать лет страдать угрями, а другое — в тридцать испытывать проблемы переходного возраста.

— И этот тоже, — выдала я.

Дальше были незапоминающиеся внешне парни. Я их пролистала, даже сильно не разглядывая. Если сразу на них не обратила внимания, то зачем смотреть еще раз. Не за такие деньги.

Альбом уже подходил к самому концу, а я все не могла определиться. Видно, не судьба. Что ж, значит, так и надо.

На предпоследней фотографии у меня замерло сердце. Сама не знаю почему. Мне показалось, что тут будет что-то интересное.

Моя Светлана уже давно самоустранилась. Ей все надоело. Она мечтала как можно быстрее отсюда свалить. И даже не переживала, что потратила почти девятьсот тысяч рублей на прихоть подруги. Она вообще отличалась спокойным отношением к жизни.

— Вот этот, — произнесла я раньше, чем успела подумать.

Черноволосый брюнет смотрел на меня серьезными глазами. Короткие волосы зачесаны назад. Трехдневная щетина подчеркивала вырубленный овал лица. Крупные губы совершенно не портили лицо. Наверное, он был красив своей особенной красотой. Трудно сказать. Меня

подкупила внешняя похожесть с другим человеком. Не целиком, не на сто процентов, а в какой-то части, может быть, в мимике или еще в чем-то. Не знаю. Но я увидела в мужчине на фото того, кого хотела увидеть.

— Необычный выбор, — произнесла мадам.

— Почему? — спросила Светлана.

— Вы первая, кто его выбрал. Такой типаж не нравится женщинам. Слишком хищный. Слишком уверенный в себе. Слишком самодостаточный. Все слишком. Видите, что я с вами откровенна.

— Тогда почему его не убрали из каталога? — спросила уже я.

— Он не захотел. Станный молодой человек. Может быть, вы все же передумаете и выберете кого-то другого? — спросила меня хозяйка элитного борделя.

— Нет. Больше никого не надо искать. Я хочу этого.

Мое решение было непоколебимо.

— Тогда завтра с трех часов дня он в вашем распоряжении. Где вы хотите с ним встретиться?

Мадам с облегчением вздохнула. Похоже, она уже и не надеялась, что я сделаю выбор.

— Как завтра? — встрепелась я. — Нет. Завтра мне не надо. У меня работа. Я не могу все бросить ради живой игрушки.

Светлана даже поперхнулась от моих слов.

— И когда ты собираешься воспользоваться услугой? — она недовольно скривила губки. — Ну и выбрала ты себе! Чудовище какое-то.

Но чем больше я смотрела на фотографию, тем больше мужчина мне нравился. Где-то в голове пробежала шальная мыслишка, что это из-за похожести с одним очень противным субъектом. Своего рода подмена одного другим. Раз невозможно побороть табу, то, значит, нужно его обойти.

Это правило я для себя вывела давно и возвела в ранг непреложной истины. На работе никаких шашней, чтобы не повторить судьбу... одного очень близкого человека. Мне хорошо известно, чем могут закончиться подобные истории и какие разрушительные последствия это может повлечь. Потому даже мысли не допускала о возможности закрутить с кем-нибудь служебный роман. А вне работы свободного времени не оставалось совершенно.

— Сама ты чудовище, — бросила я Светлане. — Вот такой у меня извращенный вкус. Я же не возмущаюсь твоим?

И чуть не добавила, что вкуса как такового у подруги вообще не было. Она была всеядна. То маленькие мужчинки, то большие мачо, то хлипкие интеллигенты, то накаченные спортсмены. И всех она любила. В тот момент, когда они ее увлекали, а потом переставала любить, поскольку на горизонте появлялся новый достойный ее внимания объект.

— Ладно-ладно, — примирительно сказала Вета. — Не будем при посторонних обсуждать мои пристрастия.

И многозначительно посмотрела на мадам.

— Можете считать, что меня тут нет, — ласково улыбнулась женщина. — Из этой комнаты не уйдет ни одно слово.

Но я уже спустила пар и потому не собиралась ссориться с подругой. Наши выяснения отношений были короткими и беззлобными.

— Скажите, — я обратилась к мадам. — Я могу воспользоваться вашей услугой, вернее, услугами этого мужчины, чуть позже?

— Что вы подразумеваете под этим?

— Понимаете, я не могу вот просто так взять отпуск на неделю... а воспользоваться всем пакетом услуг, — тут я закашлялась, — очень хотелось бы. Скоро будут новогодние праздники, и вот тогда... Ведь это же возможно?

— Хм, — мадам на секунду задумалась. — Задали вы мне задачку. Все же это особое время, да и мужчина не совсем из нашей команды... Вы не будете возражать, если я предварительно все же выясню у него, согласится ли он на это время?

— Доплачивать ничего не будем, — вставила свои пять копеек Светлана.

— Нет. Нет. Не надо, Светлана Ивановна, — слегка подобострастно сказала мадам. Видно, что она была немного в курсе интересов подруги.

— Так вы мне сообщите, или я вам перезвоню? — спросила я свое.

Когда на горизонте замаячила возможность не встретиться с выбранным мужчиной, мне как-то стало неуютно и грустно, как будто поманили сладким, но в самый последний момент передумали угощать.

Я взрослая самодостаточная женщина без вредных привычек и особых проблем. Чувство глобальной неудовлетворенности отставим пока в сторону. Все у меня более или менее нормально. Работа есть, дом есть, друзья такие, что просто закачаешься, а вот покоя душевного нет. Глаза его мне покоя не дают. И голос. Который скрипит, как будто сук на ветру качается.

Потому-то я и выбрала этого мужчину на фото, что он сильно напоминал мне другого. Но у меня даже и мысли не возникло, что можно было бы попытаться устроить свое счастье не за деньги, а просто так и с тем, кто рядом, только протяни руку. И вот он. Получилось ли бы — неизвестно, но попробовать же могла? Иногда стереотипы, сидящие внутри годами, гораздо сильнее нас.

— Не волнуйтесь, Юнона Альбертовна, я сделаю все возможное и невозможное, — заверила мадам. — Может быть, вы кого-то другого будете держать на примете, если вдруг передумаете насчет этого?

Это она только что решила переложить на меня ответственность за возможный провал с данным кандидатом? Так получается? Фигушки, сударыня. Мне нужен этот и только этот. И попробуй только не организовать его мне на новогодние каникулы, я на тебя Светланку натравлю. Уж я-то знаю, как представить себя в роли пострадавшей стороны. Да она ради меня порвет любого, только скажи. А тем более, за подарок деньги уплачены, и назад их она не возьмет, даже если будете сулить в трехкратном размере. Подружница моя еще та штучка, таких днем с огнем не сыщешь.

— Я своих решений не меняю, — сказала, как отрезала. — Или какие-то проблемы?

— Нет. Нет. Что вы? Никаких проблем, — заверила хозяйка агентства.

Все равно, как ни называй эти заведения, но суть остается та же: бордель, он и в Африке бордель. Однако меня это абсолютно не смущало. Я, как лошадь, уже закусил удила и летела к поставленной цели. Главное — знать, чего хочешь, и стремиться к этому.

— Ты меня поразила, подруга.

Света шла рядом и игралась с ремешком дамской сумочки. Мы неспешно прогуливались по центру города. Народ бежал мимо нас по своим делам и не обращал никакого внимания на двух женщин, бредущих рядом.

— Чем же? — поинтересовалась я в ответ.

— Тем, что все же решила на мою авантюру.

Она задумчиво прикусила губу.

— Стопэ, дорогая. А не ты ли мне презентовала столь замечательный подарок?

— Я-то я. Ну ты же меня знаешь, что я очень увлекающаяся натура, и мне простительно. Я, если честно, когда поняла, что наделала, места себе не находила. Не знала, как тебе это преподнести. А ты вот так быстро согласилась. Я не ожидала.

Знала бы ты, моя милая, результатом чего стало мое решение. Но говорить об этом не буду, а то последствия могут быть плачевны. Не дай Бог узнать Свете о странностях, творящихся со мной, и о том, кто их вызывает. Она же явится прямо ко мне на работу и начнет устраивать мою личную жизнь. И тогда не поздоровится всем. Мне смело можно будет увольняться, поскольку торнадо по имени Светлана перевернет офис с ног на голову. После чего мне там будет стыдно не то что работать, а вообще рядом проходить со зданием.

Имела я в юности несчастье сказать, что мне нравится один мальчик, так она добилась, чтобы этот несчастный в шесть утра стоял под моими окнами с букетом цветов и пел серенаду. И это при том, что я ему не нравилась совершенно.

Как она его уредила, мне стало известно лишь спустя годы и то совершенно случайно. Мы увиделись в школе на дне встрече выпускников, и слегка пьяный Игорек проболтался, что Света не только проколола ему шины на мотороллере, да не один, а несколько раз, она еще умудрилась собрать на него компромат и шантажировать. Ее слова никогда не расходились с делом, наверное, потому и подруг у нее не было, кроме меня. А я всегда знала, что если подруга сказала, то это железобетонно.

— Света, разве я могла не принять столь дивный подарок из твоих рук?

Ну не рассказывать же ей, что у меня крышу сносит от одного голоса, что мне впору быть обитательницей комнаты, обитой войлоком, с лампочкой в клетке под потолком.

— Я тебя люблю. Ты же знаешь.

Света остановилась и посмотрела на меня.

— И я тебя люблю.

Посторонние люди, не посвященные в перипетии наших отношений, могли бы посчитать, что между нами существует какое-то тайное грязное чувство с нездоровым влечением к человеку одного с собой пола. Но они были бы сто раз не правы. Такого никогда не было, нет и не будет.

В детстве все дети, неважно, девочки или мальчики, пытаются постигнуть азы взрослой жизни и учатся, например, целоваться на помидорах или яблоках, воображая себе партнера в лице этих овощей и фруктов. Бывает, что учатся на друзьях и подругах.

Вот и у нас со Светланой был подобный опыт, после которого мы плевались дальше, чем видели. Не пошло. Так что, в принципе, все закономерно. Можно либо дружить, либо играть в любовь. Хотя как-то про нас ходили слухи не очень приличного содержания. Сплетни дошли до меня, я пожаловалась Светланке, и... слухов больше не стало. Как ей это удалось, я до сих пор не знаю, да мы никогда больше не обсуждали этот вопрос. Такая вот у меня подруженька. Потому я и прощаю ей все выходки и иной раз иду на поводу у нее.

— А давай в кафе зайдем? Кофе и плюшками побалуемся, — предложила Светлана.

Мы как раз проходили мимо одного из них.

— Что? Без допинга жизнь не жизнь? — пошутила я.

— Ну ты же знаешь? — укоризненно проговорила подруга.

— Молчу. Молчу. Пошли. Только, чур, я буду один кофе. Договорились?

— Как скажешь, дорогая.

Радости Светланы не было предела. Сейчас передо мной была маленькая девочка, обожающая сладкое и радующаяся, что ей не отказали в исполнении желания.

Приложив небольшое усилие, я открыла входную дверь в кафе и зашла, следом за мной Света. Откуда-то сбоку появилась девушка в униформе.

— Здравствуйте, — с дежурной улыбкой встретила она нас. — Желаете пообедать?

Как раз самая середина дня. Мы потратили целых полдня на выбор специалиста по половому раскрепощению для меня.

— Обедать — нет, а вот от десерта с кофе не отказались бы, — не выдержала Светлана и влезла впереди меня, ответив на поставленный вопрос.

— Хочу сесть вот в тот уголок.

Я решила тоже проявить инициативу и указала направление.

— Да. Да. Пожалуйста. Отличное место. Там вам будет уютно и комфортно.

Кафе было выдержано в восточном стиле, и вместо стандартных стульев здесь стояли мягкие диваны с высокими спинками. Сидящие за соседними столиками практически не видели друг друга. Действительно, уютная обстановка.

Девушка проводила нас к указанному столику и предложила присесть. Интерьер кафе был выполнен в спокойных насыщенных тонах, создававших ощущение чего-то серьезного и монументального. Мы сидели и крутили головами в разные стороны, разглядывая отдельные детали. Интересно, останется ли такое же хорошее впечатление после посещения кафе? А то часто происходит так, что обстановка на первый взгляд приятная и располагающая, а обслуживание или еда отвратительные. Всякое бывает.

— Чего изволите? Могу предложить наши фирменные блюда, — начал подошедший официант.

— Нет-нет, — прервала я молодого парня. — Мы кушать не хотим. Мне двойной эспрессо.

— А вам? — перевел он глаза на Светлану, которая вовсю строила ему глазки.

Так и хотелось закричать: «Светка, что ты творишь? Он же моложе тебя чуть ли не на десять лет». Хотя я, может быть, и ошибаюсь, а парень просто молодо выглядит, чуть ли не школьником.

Молодой человек ступал от напора мой драгоценной подруги. Но это в первую секунду, а потом взял себя в руки и в упор стал таращиться в вырез платья Светланы. А парень не промах, сразу видно, быстро просек ситуацию. С каким-то тайным весельем я наблюдала за разворачивающимся спектаклем, где в роли хищника-соблазнителя выступала женщина.

«Может быть, мне перенять у нее некоторые приемы, — подумала про себя. — И тогда, глядишь, не пришлось бы пользоваться услугами мужчины по вызову». Потом одернула себя. Раз за столько лет я не переняла опыт, то вряд ли уже перейму. Это либо есть в крови, либо нет.

Молчание со стороны Веты затягивалось, пришлось подтолкнуть:

— Так что ты там хотела заказать? А то молодой человек уже заждался.

— А? Что? Мне большой капучино. Сладкий. Очень сладкий. И большой кусок торта, шоколадного.

Парень понятиво кивнул, что-то черкнул в своем блокноте и с сожалением удалился.

— Весь кайф обломала, — пожаловалась соблазнительница.

— Слушай, давай без меня. А то мне кажется, что я подглядываю за чем-то интимным.

— Подумаешь, некоторые еще приплачивают, чтобы подсмотреть в замочную скважину, а тебе тут бесплатно и все на блюдечке с голубой каемочкой.

— Это без меня. Увольте, — засмеялась я, комкая салфетку, лежащую на столе.

Внезапно вспомнила, как вела себя не так давно в офисе и совершенно не чувствовала, что соображаем на троих. Лицемерка. Вот кто я. Вслух ругаю Светлану, а сама? Мечтаю о несусветном.

Я настолько увлеклась своими мыслями, что не обратила внимания на поведение подруги, которая выкручивала шею, разглядывая нечто ее заинтересовавшее.

— Куда ты смотришь? — решила развеять свои сомнения.

— Куда-куда... Смотри, какой мужчина. Вот такого красавчика надо было выбирать себе, а не то чудовище. Бог. Просто бог. Может быть, пойти попытать свое счастье?

От сравнения простого смертного с богом у меня предательски кольнуло под ложечкой. Я посмотрела в ту сторону, куда заглядывалась Вета. Предчувствие меня не обмануло. В другом конце кафе я узрела Аполлона с какой-то девушкой. Ее же мне не было видно со своего места. Лишь светлая головка торчала над диваном.

— Сиди на месте, — строго сказала подруге.

Видимо, в голосе проскользнули стальные нотки, поскольку Света сразу же насторожилась.

— В чем дело?

— Это с моей работы. Наш новый зам. Интересно, какого черта он поперся в заведение средней руки?

— Ого. Такой красавчик — и ты теряешься?

В это время принесли наш заказ, и на время официант заслонил нам весь обзор. Света, переключившаяся на новый объект, совершенно не обращала на мальчика-гарсона внимания, и он явно недоумевал такому непостоянству, стараясь поймать ее взгляд.

— Ну, чего стоишь? Весь вид заслоняешь, — грубо бросила Света.

Вот бывает иногда она и такой. Грубой и нетерпеливой.

— Когда надо будет — позовем.

Паренек удалился не солоно хлебавши. Женщины такие непостоянные создания. Что поделаешь? Надо привыкать.

— Значит, говоришь, это ваш новый зам? — начала выпытывать Света. — А почему ты мне не рассказывала о нем?

— А что тебе рассказывать? Ничего такого, тебя интересующего, я не вызнала. А мою позицию ты знаешь.

— Знаю-знаю. Засунула бы ты ее куда подальше, и не пришлось бы искать непонятно кого.

— Это только что ты меня попрекнула деньгами? — сделала я вид, что обиделась.

— Дура. Еще раз такое скажешь — язык вырву и сжевать заставлю. Поняла? Чтобы не говорила глупостей.

— Поняла-поняла.

Я совершенно не расстроилась из-за ее грубости. Иногда и я любила помотать нервы.

Тут за столиком Аполлона случилось нечто, привлекшее внимание всех присутствующих в зале. Девушка, сидящая спиной к нам, вскочила из-за стола, со всего размаха бросила тарелку на пол, отчего та разлетелась на маленькие кусочки в разные стороны.

— Сволочь, — донеслось до нас.

Она схватила сумочку и бегом бросилась прочь, стуча каблучками. Тут я узнала в стройной блондиночке нашу Анжелику из бухгалтерии. Вот же говнюк, а сказал, что она его не интересуется. Я постаралась втянуть голову в плечи, чтобы ненароком меня не заметили. Почему-то мне не хотелось афишировать свое присутствие, а также то, что я стала свидетельницей этой неприятной сцены.

— Ух, какая темпераментная у него подружка, — произнесла Светлана. — Ну, теперь-то путь открыт. Можно пойти познакомиться с принцем моей мечты.

— Не смей. Ты поняла? — зашипела я.

— Что ты как собака на сене? И сама не дам и другому не дам, — обиделась подруга.

— Света, это без меня. Пожалуйста. Можешь заигрывать с ним сколько угодно, но одна. Поскольку я тут не вижу черного выхода, а улететь по воздуху мне не дано, то твой вояж к столику этого Казановы местного разлива отменяется. Я не хочу, чтобы этот тип меня заметил.

— Вот прямо-таки тип, — передразнила она меня. — Сама от своего счастья отказываешься.

— У тебя опять приступ? — ласково поинтересовалась у подруги.

— Иногда мне кажется, что мир вращается вокруг тебя, — смешно оттопырила губы Вета.

— Ты что-то имеешь против? — высокомерно произнесла я.

— Можешь же рассмешить, — фыркнула она в ответ. — А я все равно найду повод с ним познакомиться.

— Да ради Бога, — дала я добро подруге.

Аполлон уже давно рассчитался за заказ и за разбитую тарелку. Выглядел ли он озадаченным? Однозначно нет. Скорее раздосадованным, похоже, он был уверен в победе, а она крутанула хвостом и показала зад.

— Доедай свой торт, откладывай калории на бока и пошли отсюда, — поторопила Ветку.

— Да. Пора. Ничего тут интересного нет.

Это она обвела глазами помещение кафе, показывая, что ни один из мужчин здесь ее более не интересуется.

Вот такая она у меня. Что с ней поделать? Ничего. Любить и жаловать. Что я и делаю.

Я подозвала взмахом руки расстроенного официанта, показывая, что нам требуется счет. Пока он шел, полезла за кошельком.

— Я рассчитаюсь, — воскликнула Света.

— Вот еще. Должна же я компенсировать тебе потерю машины, — подколола подругу. — И не один раз.

Мы еще немного погуляли вместе. К сожалению, ее срочно вызвали по делам. А так хотелось посидеть, поболтать. В конце концов, просто помолчать вместе, что у нас так же хорошо получалось, как и все остальное.

Так что домой я попала достаточно рано. И сделала то, что собиралась сделать со Светланой, то есть посидела, посмотрела телевизор, поужинала и помолчала.

Перед сном, как обычно, проиграла в памяти события прошедшего дня и в предвкушении какого-то чуда заснула с образом неизвестного мужчины, который на одну неделю станет моим спутником. Каким он будет в жизни? Что я почувствую, когда познакомлюсь? Какое впечатление он на меня произведет? А какое я на него? Почему-то и

этот вопрос меня интересовал не меньше.

* * *

На днях должна позвонить мадам и сообщить, получу ли я подарок от Деда Мороза. Именно так я воспринимала предстоящую встречу с выбранным по каталогу мужчиной. И теперь мне казалось это таким естественным и нормальным, что я диву давалась, как могла раньше думать иначе.

А еще это желание усилилось после того, как я в очередной раз столкнулась лоб в лоб с нашим генеральным директором. Но все по порядку.

Я занималась рутинной работой, подбивая в конце года расходы на канцелярские товары, расходные материалы и так далее. Ко мне заглянула Стефания.

— Юнона Альбертовна, что у вас с телефоном?

— А что у меня с телефоном?

— Неждан Натанович не может до вас дозвониться.

— Странно. Я никуда не отлучалась с начала рабочего дня. Как-то было некогда.

Потянулась к трубке, она подозрительно молчала. Что такое? Может быть, какие неполадки на линии? Или еще какая причина?

Слава Богу, что додумалась посмотреть, воткнут ли штекер в розетку. Было у меня уже такое дома. Телефон молчал несколько дней, я уже и мастера-наладчика вызвала из телефонной станции, а все оказалось до гениальности просто. Шнур был вытащен из розетки.

Я полезла за стол.

— Что вы там копаетесь? — холодно спросила меня Стефания. — Вас ждут немедленно.

И она с чувством выполненного долга удалилась из кабинета.

Я все же решила проверить. И действительно, мое предположение оказалось верным, провод валялся рядом с розеткой. Может быть, уборщица нечаянно зацепила, когда мыла полы, да не заметила? Восстановив связь, отправилась в святая святых нашего офиса. И зачем я ему понадобилась?

В коридоре я столкнулась с Аполлоном, пребывающим в прекрасном расположении духа.

— Юнона, ты сдала уже отчет?

Он не считал необходимым придерживаться дистанции с сотрудниками, как генеральный.

— По срокам у меня еще есть несколько дней, — постаралась я максимально корректно сообщить о неготовности запрашиваемого материала.

— Да? Я совсем забыл. Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером? — с места в карьер начал красавчик.

От удивления у меня поднялись брови. Вот это напор. Никаких реверансов, сразу конкретный вопрос.

— К подруге в гости иду, — почему-то соврала я.

Не знаю, с чем это было связано, но в последнее время мне хотелось держаться от Аполлона подальше. То ли сцена в кафе на меня подействовала, то ли еще что. Просто как-то

не вязался у меня образ Анжелики, которую я знаю и с которой общалась в офисе, хоть и шапочно, с Анжеликой, которую я наблюдала в кафе. Она была на взводе и в растрепанных чувствах, хотя я ее знала как очень добродушную и приятную во всех отношениях девушку. Это значит, собеседник что-то такое сделал или что-то такое сказал, что она так отреагировала. Я привыкла подмечать детали и делать выводы. И выводы пока были не в пользу Аполлона.

— Так мы можем и подругу с собой взять.

— Куда? — вырвалось у меня.

Кажется, Аполлон понял, что сказал лишнее, и постарался перевести тему.

— А завтра?

— Завтра у меня маникюр и педикюр, — брякнула я.

— А послезавтра?

— Фитнес.

Хотя никакого фитнеса и в помине не наблюдалось, но отвечать согласием мужчине не хотелось, вернее, не хотелось давать повода. К чему, я и сама не знала.

— А... — терпеливо начал мужчина.

— Вы знаете, Аполлон Аристархович, я так далеко не заглядываю в будущее. Ведь оно может и не наступить. Кроме того, меня генеральный ждет.

— Ничего страшного. Подождет.

И он ухватил меня за руку, показывая свое нежелание отпускать.

Я постаралась аккуратно отжать его пальцы от меня, но красавчик продолжал держать.

— Отпустите, — тихо произнесла я, глядя в глаза.

В лазурных глазах плясали чертята, а лицо кривилось в слабом подобии улыбки.

— А если не отпущу, то что? Кричать начнешь?

— Нет, — прошипела я.

— Или звать на помощь? На крик народ сбежится. Вот потеха-то будет.

— Я же сказала, что нет.

— Что же тогда?

Его явно это интересовало.

Я перестала пытаться отцепить мужскую руку.

— Чего вы хотите? — задала прямой вопрос.

— Тебя.

Опа, приехали. Это что-то новенькое. То странные намеки, а теперь вообще конкретика повалила, как снег в безлунную ночь.

— Прямо-таки и меня? — решила перевести все в шутку. — Может быть, вы меня с кем-то путаете?

— Ты мне нравишься. Я тебе тоже. Почему бы нам не быть вместе?

От подобной наглости я даже опешила.

— А может быть, мне сразу стать в позу аиста? Или лезгинку станцевать?

Вот теперь настала очередь Аполлона удивляться.

— 3-зачем?

— Да мало ли чего вам захочется в следующую секунду? А я еще на шпагат сесть могу? Хотите?

— Ты дура? — вымолвил мужчина и потихоньку отпустил руку.

— Ага. Только прикидываюсь нормальной. А так у меня справка от психиатра в подушку

защита, а под матрасом я нож храню.

В глазах Аполлона появился легкий страх. Как мило. Моя манера ставить собеседника в тупик спасала меня не один раз в жизни. Кто-то скажет, что это глупо, но факт остается фактом.

Вот только мне кажется, что Аполлоша просто так не отступится. Я выиграла этот бой, но выиграла ли войну? И меня, откровенно говоря, это волновало.

Почувствовав себя свободной, слегка на взводе я рванула по коридору в сторону кабинета генерального. Чуть ногу не подвернула по пути. Вот было бы весело, если бы растянулась тут же на кафеле, а еще лучше ногу сломала, и карета скорой помощи увезла меня прочь отсюда.

Залетела в приемную на всех парах. Стефания посмотрела на меня недобрый взглядом. Поджала губы, но ничего не сказала. Это плохой знак, если наша секретарь позволяет себе проявить эмоции, а тем более недовольство.

— Можно зайти? — спросила на лету, кивнув в сторону двери к шефу.

— Вас ждут. Уже давно, — ледяным тоном произнесла женщина.

— Я пойду? — спросила разрешения.

— Идите.

И так мне боязно стало, что ноги задрожали, и по телу прошла предательская дрожь. Силы как-то мгновенно меня оставили. И с чего бы это такое?

Осторожно открыла дверь, потянув за ручку.

— Разрешите?

Как будто к директору школы вызвали. Такое же чувство ожидания чего-то страшного и неотвратимого. Ответа на мою реплику не последовало. Я набралась решительности и продолжила путь, притянув за собой створку двери. Да так и осталась стоять возле порога.

Развернувшаяся предо мной картина повергла меня в легкий ступор.

Неждан Натанович сидел за столом, и вроде бы ничего необычного в этом не было, если не считать темно-синей струйки, сбегавшей по подбородку и капавшей на белоснежную рубашку, на той уже красовались такого же цвета потеки. А затем я увидела руки. Что он ими делал? Растерзал демона с синей кровью? Напился синьки?

Я стояла в дверях и не знала, что сказать, а Неждан смотрел на меня и тоже, судя по всему, не мог ничего произнести. Правда, причина его молчания была иной. Изо рта у него на манер сигары торчал колпачок от ручки.

— Я зайду попозже, — хотела было я выскочить за дверь.

— Нет, — прорычал Неждан, даже не пытаясь встать.

Я испуганно уставилась на мужчину.

Он вытащил колпачок изо рта и произнес:

— Вы должны мне помочь. И не дай Бог хоть одной душе расскажете, что тут увидели... — хриплый рык вырвался из него.

Вот теперь мне угрожали. И я была уверена, что хоть Неждан и не договорил, но я знала, что угрозу он выполнит незамедлительно, если вдруг я позволю себе хоть одно лишнее слово.

— Й-а-а могила...

А сама почему-то жалась к стеночке.

— Вы знаете, что надо делать с этим? — очередной хрип вывел меня из себя.

— С чем?

Кажется, я начала тупить.

— Чернила. Как их устранить?

— Не знаю.

— То есть как не знаете? Вы же женщина! — возмущенно воскликнул Неждан, продолжая сидеть за столом.

Не объяснять же ему, что у меня сроду не имелось чернильных ручек. Я их даже в руках не держала. Да что там говорить, я их вблизи-то не видела никогда.

— Ну, водой, наверное, — решила предположить я.

А что? Вода — природный растворитель. Скорее всего, она и чернила удалит.

— Тогда намочите тряпку и принесите мне, — скомандовал он.

— Где? — пискнула я.

— Где-где, — спародировал он меня. — Вон дверь в ванную. Там все и найдете.

Откуда здесь ванная комната? Никогда не видела.

Похоже, что Неждан понял мои сомнения и прорычал:

— Сюда пройдите. Дверь отсюда не видно.

Я бочком по стеночке прошла в указанном направлении и, действительно, за колонной оказалась дверь в нише, которую не было видно из большей части комнаты.

Неужели он сам не может пройти и намочить тряпку, чтобы вытереть руки от чернил? Ох уж эти мужчины. Ничего не могут сделать самостоятельно. Все им помощи сделать. Как будто безрукие. Так я думала, лазая по шкафчикам, стоящим рядом с умывальником. Надо же, да в его кабинете жить можно. Диван в кабинете есть, туалет есть, душевая кабина — и та тоже есть. Покушать можно заказать из ресторана неподалеку. При необходимости ничего не отвлекает от рабочего процесса.

— Вот, пожалуйста, — протянула я мокрую тряпку, но Неждан за нею не потянулся.

— Сотрите чернила сами, — приказал мне.

— Неужели самостоятельно не можете? — вырвалось у меня.

Я не представляла, как буду оттирать его от чернил.

— У меня через полчаса встреча, а костюм один, — пояснил он.

И тут до меня дошло, что он практически не шевелит руками, боясь выпачкать пиджак.

Я с опаской приблизилась с одного бока к Неждану. Он как-то чересчур сильно прижимался к столу, что показалось мне подозрительным. Я так в свое время прятала шпаргалки от преподавателей в институте. Грудью наваливалась на стол, чтобы не было видно лежащее на коленях.

— Как же вы так? — не выдержала и спросила.

— Хотел казаться солиднее на переговорах, когда достану настоящий «паркер», — немного смущенно прохрипел мужчина.

— Хм...

Я провела тряпкой по пятну на руке.

[Купить полную версию книги](#)